



Лана Ежова

Цена принцессы

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Злодей, герой, красавица... Знакомый треугольник? В легендах их участь предопределена богами: добро побеждает зло. Реальность же жестока и далека от сказки.

Герой, доблестный военачальник и победитель воздушных гонок, пленен проклятием. Злодей, кровожадный темный чародей, склонен к мрачной романтике и непредсказуемым поступкам. Ну а красавица... ну а я больше всего на свете хочу спасти свою страну любой ценой. Даже ценой разбитого сердца...

Лана Ежова

Цена принцессы

© Лана Ежова, 2017

© Художественное оформление, © «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

* * *

Глава 1

Кьярин

Губы графа Вэлдиса настойчиво мусолили мою грудь. Он старался изо всех сил, но страсть не вспыхнула ни в нем, ни во мне. Я-то была готова обойтись и без нее, но мужчинам, как выяснилось, без нее никак.

— Кьяра, они прошли вторые ворота! — долетел сквозь тяжелый бархат балдахина тревожный шепот няньки.

— Да слышу я, слышу!..

После ликующего вопля солдат захватчика таран заработал с новой силой. И хотя на воротах закреплены мощные защитные артефакты, последние бастионы Аркиола, города наследников престола Мизгира, моего города, скоро падут...

Молитва преданной няньки вторила призыву к богине Матери, который монотонно читал жрец. Кроме них за тяжелой синей тканью находился и мой телохранитель. Он сидел в кресле у камина и сосредоточенно протирал куском замши свой меч. Неудивительно, что в опочивальне новобрачных огонь страсти и не думал разгораться — столько чужих глаз и ушей...

— Принцесса, я так не могу, — жалобно простонал граф.

— Можете, супруг мой, можете, если хотите стать королем, — ласково успокоила его я, — и не хотите, чтобы Мак отрезал ваше главное достоинство.

Свежеиспеченный муж, засопев, запустил холодную пятерню под мою сорочку.

Граф Вэлдис — истинное разочарование. С момента моего переезда в Аркиол блондинистый красавчик с голубыми мечтательными глазами не давал прохода. Держался, разумеется, в рамках приличия, но его обожающий взгляд не преследовал разве что в спальне. И когда войско темного чародея Тенебриша подступило к стенам Аркиола, вызвался отдать за меня и тело и душу, то есть остался в замке, вместо того чтобы сражаться с защитниками города.

А вскоре выяснилось, что он трус и умеет только обещать.

— Кьяра, они вошли в замок! — заголосила нянюшка у открытого окна.

Глядя на бледного графа, я зло прошипела:

— Вэлдис, вы меня разочаровали!

И ногой столкнула его с ложа. Немного не рассчитала — он упал на край кровати, так и не слетев на пол, как мне хотелось.

Уж лучше бы я вышла замуж за телохранителя — у него, что-то подсказывает, проблем с консумацией брака не возникло бы. Мак вообще из тех людей, что не боятся смерти. Вот только как стать женой того, кто опекает тебя уже девять лет? И видел плоскогрудой соплюшкой?

Откинув край одеяла, охнула — на белом шелке алело пятно. И меня осенило: я знаю, как спастись! А нянюшка говорила, что нехорошо брачный союз заключать, когда у невесты лунные дни, пускай они и заканчиваются. Да нет же, это моя удача!

— Ой, больно-то как... Ой-ой! — заныла я притворно. — Вы сделали мне больно, супруг мой!

Глаза графа округлились, как у совы. Я молча показала, как будто оттягиваю часть тела в паху, ту, которая у него так и не подала признаков жизни, и отсекаю воображаемым ножом.

Мужчина быстро-быстро закивал. Пугливое ничтожество. А как красиво говорил, как говорил...

— Дочка, у тебя получилось! — возрадовалась выросшая меня женщина, когда я раздвинула тяжелую завесу балдахина и ступила на теплый пол. — Ты спасена!

Я улыбнулась ей, всем видом излучая радость. А затем с показной болезненной гримасой потянулась за халатом, что фиолетовой лужей растекался по второму креслу.

— Принцесса, теперь я могу отрубить сморчку голову? — спросил Мак, скаля зубы. Одного не хватало, и оттого его улыбка выглядела жутковатой.

Бледный Вэлдис, услышав кровожадное предложение, свалился в обморок. Презренный трус. И как ему удавалось так долго маскироваться под смельчака?

— Нет, Мак, нельзя. Как-никак он мой супруг отныне и твой будущий король.

Телохранитель, разумеется, жестоко пошутил — он не любил надушенных, вычурно разодетых хлыщей. Мне они тоже были не по вкусу, но такими, как Вэлдис, легче управлять, и когда встал вопрос, за кого спешно выйти замуж — за него или другого аристократа Аркиола, я определилась быстро.

Со стороны входа пахло холодом.

— На пол! — гаркнул Мак.

Уже падая, ощутила дрожь тверди. Закрытая на мощный засов дверь, слетев с петель, развалилась на несколько частей. Крики няни и жреца утонули в грохоте.

Тело придавила невидимая тяжесть — ни встать, ни даже пошевелиться. Мак оказался прав — чародей применил заклинание «ледяной волны», которое не убивает, но надолго выводит противника из строя.

Я не могла дышать от страха. В голове осталась только одна мысль: сейчас все решится — жить мне или умереть.

В моих покоях раздались тяжелые шаги нескольких человек. Под подошвами их сапог жалобно заскрипели деревянные щепки.

В какой-то миг давящее ощущение исчезло, и я смогла бы встать, если бы осмелилась на подобную глупость.

— Наместница Аркиола, наследная принцесса Мизгира, валяется в пыли? — прозвучало насмешливое. — Ай-ай, как нехорошо! Поднимите ее скорее!

Грубые руки воина вздернули меня вверх, и я оказалась лицом к лицу со своим врагом.

Расстегнутый черный плащ не скрывал темно-коричневый охотничий костюм, плотно облегающий стройное тело чародея. Децем Тенебриш оказался весьма привлекательным мужчиной, хоть и слишком худым, как по мне. Смоляные волосы, собранные в низкий хвост, доставали середины лопаток. Резкие черты лица, темно-карие до черноты глаза и узкие губы делали его похожим на орху, маленького, но опасного в своей ловкости хищника, которому хватало пары мгновений, чтобы перекусить человеку сонную артерию.

Оторвавшись от созерцания чародея, заметила, что к горлу лежащего на полу Мака приставлен меч второго воина, судя по доспехам, мечника. Еще один стоял над скулящей нянюшкой и жрецом, который продолжал истово молиться, будто не замечая, что происходит вокруг. Графа захватчики не заметили — он лежал, скрытый машиной кровати.

— Разве так должна встречать невеста жениха? — самодовольно произнес Тенебриш. — Столько препятствий на моем пути! Вы меня испытывали, дорогая, или действительно не хотели видеть?

Раздраженно повела плечами, пытаюсь вырваться из лапищ гороподобного воина. Но тот

даже не ослабил хватку, оставляя на моих руках синяки.

Чародей дал знак, и меня отпустили.

— Что вы, ваше темнейшество, разве смеет обыкновенная принцесса надеяться, что в супруги ей достанется настоящий темный чародей? — осмелилась сделать ироническое замечание, хотя внутри все заледенело от страха. — Я не достойна сей великой чести.

— Не скромничайте, прин... — Тенебриш не договорил. Его взгляд скользнул от жреца, лежащего на полу, до разворошенной кровати, изголовье которой сверкало бесценными артефактами королевского дома.

Карие глаза темного подозрительно сузились.

— Что здесь происходит?

— Ничего особенного, — бесцветно ответила я, начиная мысленно молиться Милосердной Матери. — Но раз уж вы явились незванным, будьте гостем на моей свадьбе.

— На свадьбе? — прошипел Тенебриш. Его верхняя губа искривилась, обнажая мелкие зубы. — Не пристало принцессам лгать! Примите поражение достойно, Кьярин!

Как же мало он знал о принцессах, не иначе из сказочек почерпнул свои знания... Принцессы врут всю свою жизнь.

Я мило улыбнулась и, отступив назад, указала на валяющегося без сознания графа:

— Вот мой супруг. Брак консумирован.

Чародей подскочил к кровати и сбросил одеяло на пол. Лицо негодяя вытянулось, побледнело от злости.

— Это что?..

— Признак консумации, — любезно подсказала я, внутренне торжествуя. — У вас нет иного выхода, ваше темнейшество, кроме как согласиться на выкуп, который заплатит за меня дядя. Артефакты правящего дома Мизгира вам не подчинятся, даже если сделаете меня вдовой и женитесь сами. Соглашайтесь на золото! А я обещаю, что не буду преследовать, если покинете мою страну в течение трех дней.

Вместо того чтобы спросить, почему будущий король Мизгира валяется без чувств на полу, чародей злобно расхохотался:

— А вы наглая, принцесса! Но мне это нравится. И — да, спасибо за идею.

Я и ахнуть не успела, как с ладони Тенебриша сорвалась черная клякса. Еще в полете она превратилась в призрачную змею и впиалась в горло моего мужа. Граф Вэлдис очнулся и, страшно крича, захлебнулся кровью.

От ужаса окаменев, я смотрела, как он корчился. И ничего не делала. Потому что была бессильна.

Милосердная Мать!.. Я не желала скороспелому супругу смерти, тем более такой! Я планировала его оставить королем, если бы он вел себя хорошо. А начал бы лезть в мои дела, по-тихому безболезненно отравила бы... Но такой судьбы, мучительной смерти, я ему не желала!

И все же где-то глубоко в душе подленький голосок прошептал, что это к лучшему. Он бы признался чародею, что консумировать брак не получилось. Граф Вэлдис гарантированно выдал бы меня, спасая собственную шкуру. Я тоже спасала свою, попутно стараясь уберечь народ Мизгира от чудовища, которое не должно взойти на трон моих предков. Темные чародеи — зло, и Тенебриш подтвердил это, несколько дней назад убив своего государя.

Мои глаза ослепли от слез, и только чудом я не забилась в неподобающей принцессе истерике. И в то же время горе придало сил, позволив сбросить оцепенение.

— Вы бездушный монстр, Тенебриш! — вырвалось у меня гневное восклицание.

Не стесняясь, вытерла рукавом халата мокрое лицо.

— И я этим горжусь, принцесса, — усмехнулся он, подходя к кровати. — Как же вы решились на подобное? Имея жениха, вышли за другого? А ведь он рвется к вам на помощь, пускай и безуспешно. — Довольный чародей хохотнул над собственной шуткой.

Да, шутка знатная, наследная принцесса стала заложницей ситуации: жених из соседней державы стремится спасти ее от злодея, а его войско не пускает древняя магия границы, закрывшейся после смерти короля. А дать разрешение ее пересечь будущая королева Мизгира не может, потому что находится далеко и уже в руках злодея. Очень смешно, обхохочешься.

— Что ж, проверим, врут принцессы или нет, — вкрадчиво произнес Тенебриш, и у меня мороз пробежал по спине.

Несколько секунд подержав руку над пятном на простыне, он помрачнел. Сомневался, что моя кровь? Надеялся, что обманула? И сохранила невинность для жениха, которого мне выбрал отец?

— Не солгали, к моему превеликому сожалению, — процедил Тенебриш сквозь зубы.

Хотелось вздохнуть с облегчением, но я удержалась.

Мне невероятно повезло, что темные чародеи не умеют исцелять и потому не видят ауры людей. Иначе Тенебриш понял бы, что я все еще невинная девушка. И консумация состоялась бы прямо сейчас, благо королевские артефакты уже разложены на кровати.

Но, к моему превеликому счастью, он — слуга Эшкиля и с помощью заклинания смог только установить, что кровь моя.

Бедный граф Вэлдис... Трус и балабол, он все же послужил своей стране, умерев ради ее спасения.

Заметив, что я не отвожу взгляда от трупа супруга, чародей снисходительно произнес:

— Ах, принцесса, вы должны сказать мне спасибо, что избавил от недостойного вас мужа. Слабак, отключившийся от «ледяной волны», не вправе владеть подобным бриллиантом.

Темный приблизился, и мне стоило больших усилий не отшатнуться и выдержать его тяжелый, испытующий взгляд.

Коснувшись с восхищением моей растрепавшейся косы, он мягко прошептал:

— Разве он был достоин трогать эти прекрасные волосы цвета серебра и пепла? Или смотреть в глаза-изумруды? Целовать эти розовые губы и нежную кожу?

Комплименты не вызвали во мне той реакции, которую он ждал — я не растеклась от них медовой конфетой. Неужели ему невдомек, что придворные лизоблюды говорят намного, намного изысканней?

— Кьярин, вы пугающе совершенны!

Обхватив мой подбородок ладонью, он говорил с восхищением, но смотрел так внимательно, будто оценивал лошадь перед покупкой.

— Зубы показать? — поинтересовалась глумливо. — Вдруг я не так уж и совершенна?

Произнесла — и оцепенела в испуге, осознав, кому это сказала. Но через считанные секунды отбросила страх усилием воли. Тенебриш меня не убьет и не изувечит, слишком ценный приз. Можно не лебезить перед ним.

Чародей ослабил:

— Понадобится — покажете все, что посчитаю нужным. Советую вам, принцесса,

вспомнить о вежливости, если не хотите попроситься со своей няней — она-то мне совсем не нужна.

Резкий переход от комплиментов к запугиванию мне совсем не понравился. Внутри все сжалось от дурного предчувствия. Я действительно забылась, не подумала о других, выпустив из памяти, что у меня есть дорогие сердцу люди, смерть которых ударит по мне сильнее, чем убийство нелюбимого отца. Да простит меня Милосердная Мать за подобный грех!..

— Прошу прощения, ваше темнейшество, это больше не повторится.

Вежливое обращение к слуге темного бога, которое было в ходу века назад, впервые произнесла без иронии. Тенебриш по-настоящему силен, как чародеи прошлого, а потому заслуживал уважения. И страха.

Огонек сопротивления потух. Первую битву я выиграла обманом, но война продолжалась.

— Будьте паинькой, ваше высочество, это в ваших интересах.

Чародей что-то задумал — слишком быстро совладал с эмоциями, значит, знал что-то, что поможет обойти условие ритуала передачи королевских артефактов.

— Что ж, придется потерпеть вас дольше, чем планировал. — Он кивнул своим мыслям. — Вы устраиваете меня как мать моих детей, поэтому один ребенок, будущий правитель Мизгира, у нас с вами точно будет.

Возвести своего сына или дочь на престол — единственный выход, по его мнению. Вот только мне он не подходил. Зачать и родить от того, кто убил отца? Нет, нет... Помилуй меня богиня!

В горле пересохло. Я должна найти выход из ловушки. Должна любой ценой!

— Собирайтесь, принцесса, мы возвращаемся в столицу. Даю вам полчаса.

Опустив смиренно голову, спросила:

— Позвольте Глае, моей няне, помочь мне с вещами?

— Пускай идет.

Чародей, довольный найденным выходом, приказал легионеру отпустить испуганную женщину. Охая, она тем не менее вскочила с пола резвой козочкой.

Но вошли мы в гардеробную лишь после того, как Тенебриш лично проверил ее на наличие потайных ходов и оружия. Первого, к сожалению, не было, Аркиол возводили в золотой век правления, когда в стране царили мир и покой и государственный переворот казался страшной сказкой для малышей. Короли Мизгира слишком полагались на свою власть и артефакты и не заботились о будущем.

Впрочем, я тоже хороша — став наместницей Аркиола, использовала цепь пещер под городом для выращивания грибов. Ну не дура ли? Надо было о безопасности беспокоиться, а не о прибыли.

Зато про оружие мы подумали заранее.

Стоило двери закрыться за чародеем, как нянька задрала свою пышную юбку и сняла с лодыжки пластинчатый браслет из черного металла, украшенный мелкими изумрудами. Один из многочисленных артефактов королевского рода, настроенный на представителей правящей династии.

Мак сразу предостерег, что воспользоваться артефактом в спальне я не смогу из-за пригибающей к полу «ледяной волны», которую чародей обязательно пустит впереди себя. Его расчет был прост: отобрать возможность сопротивляться, не нанеся будущей королеве

вреда.

— Убей его! Убей, моя девочка, я верю в тебя, — злобно зашипела моя добрая Глая.

— Моя рука будет твердой, — пообещала ей решительно.

Уничтожать негодяев мне не впервой, справлюсь. Монстр, которого пощадили, не исправится, не бросит причинять боль другим. И выход один — предать его смерти, прежде чем он навредит твоим близким и тебе.

Дорожные сундуки приготовлены заранее — я знала, что покину Аркиол, независимо от того, возьмет чародей штурмом город или дядя успеет на помощь. И потому, быстро переодевшись в дорожную тунуку с разрезами по бокам и широкие брюки, принялась активировать браслет. Как и всякому древнему артефакту, изготовленному до запрета на магию, ему требовалось некоторое время, чтобы проснуться. И пробуждала его кровь тех, кому он принадлежал.

Металлическое жало слегка кольнуло в запястье, выпивая каплю крови, сам браслет немного нагрелся. Все, к бою он готов.

— Давай, — шепнула Глае.

Нянька с грохотом закрыла засов на двери.

— Ваше высочество! Откройте! — предсказуемо забарабанили из спальни.

Отреагировала молчанием, пусть Тенебриш поволнуется, решив, что я предпочла смерть брачному союзу с ним.

— Принцесса, не вздумайте делать глупости, откройте! — велел он зло.

Я безмолвствовала, хладнокровно глядя на темно-коричневое полотно двери. Давай, Тенебриш, иди ко мне... Я с удовольствием выстрелю в твое черное сердце.

Пришлось сильно напрягать слух, чтобы услышать, как выждавший несколько секунд чародей приказал своим людям:

— Разойдитесь!

Я подняла руку с боевым артефактом до уровня груди. Странное дело, но я дрожала, хотя точно знала, что отступник заслуживал смерти. Бешено стучащее сердце, устремившись на свободу, застряло где-то в горле. Вот сейчас... сейчас чародей заклинанием уничтожит дверь, ворвется в комнату... и я не промахнусь. Уже несколько лет я попадала прямо в яблочко.

При нажатии на центр пластины браслет стрелял призрачными стрелами, которые пробивали человека насквозь. Если Тенебриш не ждет подвоха, он не сможет их отразить. И, если мне повезет, я убью сразу и кого-то из его сопровождения. За жреца я не переживала — Мак в курсе плана, прикроет старичка...

Дубовая дверь осыпалась трухой. В проеме выросла широкоплечая фигура.

— Кай? — беззвучно шепнула, чувствуя, как внутри все обрывается.

Я растерялась, дрогнула — и полупрозрачная стрела улетела в стену.

В тот же миг невидимые веревки опутали меня, больно прикручивая руку с браслетом к телу. Вдобавок воин, ворвавшийся в гардеробную вместо Тенебриша, повалил на пол, прижимая меня к паркету.

Время словно остановилось. Натянулось струной гитары.

Придавленная тяжелым телом, я не зажмурилась от страха. Я смотрела в глаза черноволосому мужчине. Темно-синие, с черным ободком вокруг радужки, они напоминали ярошку, незабываемо вкусную ягоду, которую собирают на болотах порой ценой жизни. На четко очерченных скулах играли желваки, полные губы сурово стиснуты.

Брюнет вглядывался в меня настороженно, с гневом во взоре. Смотрел так, как будто

хотел убить. У-у, какой же он страшный! Действительно страшный, и не только из-за сочившейся темной сукровицей царапины через всю левую щеку... Страшный в ярости.

Я тоже, когда расстроена, не безобидная овечка. Удар дубовым стулом по голове — меньшее, что он заслужил за свои дела. И ему весьма повезло, что преимущество на его стороне. Предатель!

— Какая занятная игрушка, — с уважением в голосе произнес чародей над нами. — И не для косоруких женщин.

Струна лопнула. Время возобновило ход.

Наклонившись, Тенебриш бесцеремонно стащил с моей безвольной руки браслет.

— Люблю такие штучки. Найдете еще, принцесса, обязательно поделитесь со мной.

Я боялась возмущаться, да и не до того было — воин, сбивший меня с ног, продолжал удерживать на полу. Я чувствовала на себе его тяжелое мускулистое тело, и оттого мне было как-то не по себе.

— Холгер, поднимись, иначе задушишь ее высочество, — вспомнил чародей о моем неудобстве.

Брюнет с отметиной на лице исполнил его приказ. Исполнил быстро, в тот же миг, словно марионетка, которую дернули за ниточку.

Тенебриш протянул мне свободную руку, которую я приняла, внутренне ежась.

— Какая все-таки красота, Кьярин, — цокнул он языком, рассматривая отнятый браслет. — Вряд ли я когда-нибудь смогу простить вас, что лишили меня возможности использовать сокровища монархов Мизгира.

Покрутив мой артефакт в руке, он нагло спрятал его во внутренний карман плаща.

Протест поднялся в душе и тотчас затих. Сейчас все, что находится в замке, да и я сама, принадлежало чародею. Молю Мать, чтобы ненадолго. А пока... пока пускай упивается своей властью. Верю, у сестры все получилось, и дядя уже в пути. Он справится с чародеем и спасет меня и страну.

— Поспешим, принцесса, если не хотите, чтобы мои воины заскучали и начали творить непотребство. — Тенебриш гаденько ухмыльнулся. — Неудобно все-таки, что храм богини Матери находится так близко от разгоряченных захватом замка мужчин.

— Что вы хотите этим сказать? — тихо спросила, не веря своим ушам.

— Ничего, ваше высочество, пока ничего.

Нет, ни один легионер Мизгира не посмотрит на служительниц Матери с плотским интересом! Богиня сурово карала за непочтительность по отношению к своим жрицам... Ох, забываю, что Тенебриш — темный чародей, и в его власти подчинить человека и вытащить наружу все самое скверное, что в нем есть.

Невольно я покосилась на воина со шрамом. Герцог Холгер, генерал Сапфирного легиона, главная опора моего отца, а ныне предатель короны, тому яркое подтверждение. Ходят слухи, что он продал душу темному богу Эшкилю и потому так неожиданно изменился, превратившись из великого военачальника Мизгира и верного друга короля в цепного монстра Тенебриша. И шрам — знак предательства, проклятия, которое падает на всех слуг нечестивого бога. А еще я слышала, что служение чародею — плата за определенного рода услуги, которую Кайрон Холгер неосторожно пообещал, чем и воспользовался беспринципный темный, превратив должника в раба.

— И все же, как мне кажется, идти через топи, полные гигантских змей, рискованно во второй половине дня. Вдруг застрянем и не выйдем из них к ночи? Лучше выступить с

рассветом.

— Ваше высочество, выбирать время для начала похода вы будете только в том случае, если я буду вашим пленником, — резко бросил темный.

Я закусила губу. Ужасно, когда некоронованную королеву щелкают по носу.

В каком-то полусне для меня пролетело отпущенное на сборы время.

Мы с Глаей снова уединились. Вот только бедная няня все никак не могла прийти в себя после тщательного досмотра, устроенного одним из наемников Тенебриша.

— Он меня лапал, Кьяра... Представляешь? Лапал! — на все лады повторяла она.

— Богиня накажет его за твои страдания, — без сочувствия отозвалась я, погруженная в невеселые думы.

Тем временем Тенебриш, с помощью солдат отыскав спрятавшихся слуг, распорядился в замке, как у себя дома. На площадь перед парадным балконом согнали горожан, собрали легионеров — тех, которые пришли с чародеем и брали Аркиол, и тех немногих, которые его защищали.

Я слушала, как за окном волнуется тревожное человеческое море, и не верила, что все происходит со мной. Может, это сон? И кровавых событий последних дней не было? Может, мой отец все еще жив? И я по магзеркалу не просила сестру покинуть обитель Милосердной Матери и бежать к дяде в Лонкарду, чтобы молить его о помощи? Аркиол не пытался выстоять против темного и его не брали штурмом? Может, я все еще беззаботная наместница, главная проблема которой — какие виды грибов развести в катакомбах под городом и как их потом продавать?..

Голос чародея вырвал меня из грез наяву:

— Переоденьтесь, ваше высочество.

Бездумно посмотрела на протянутое нежно-голубое платье, вышитое серебряными нитями и белыми опалами. Красивое, я надевала его всего один раз, на день рождения в прошлом году.

— Зачем переодеваться?

У темного дернулся мускул на щеке.

— Невеста должна выглядеть празднично, — сообщил он прописную истину.

— Чудесно! Почему раньше не сказали? Я бы не переодевалась в наряд для путешествий, а так только время потеряла.

Недовольный чародей, прищурившись, заявил:

— Не захотите сами, вас одену я.

Угроза подействовала.

Пока Глая делала мне прическу, я размышляла, как быть. Сопротивляться, рыдать — значит, добиться ухудшения ситуации. Вывод: надо сделать вид, что смирилась, выждать и при удобном случае сделать так, как нужно мне.

А еще из каждой ситуации следует извлекать выгоду для себя. И торговаться, предлагая то, что могу дать с легкостью и без ущерба для себя.

— Кьяра? Ты чего? — всполошилась Глая, когда я отвесила себе пощечину.

Влепила себе оплеуху и с другой стороны для симметрии и уж потом объяснила:

— Хочу выглядеть заплаканной.

— Дитяtko, надо было духи те особые, мачехины, понюхать. Зачем же себя увечить? — огорчилась старушка.

— Точно... забыла.

Королева Велора, то есть бывшая королева, два года назад подарила мне знатную вонючку. Открываешь красивый хрустальный флакон в форме цветка, а там сбивающие дыхание миазмы, разбавленные ароматом жасмина. Слезы так и брызжут из глаз...

— Глая, а найди-ка их, забыла, куда засунула.

Подарок я не выкинула — надеялась вернуть дарительнице на ее день рождения, перелив в иной флакон. Вот только не вышло, вскоре отец поймал жену на адюльтере, а затем и вовсе выяснил, что наследник Мизгира рожден не от него. Хорошо, что Эйрику подвергать магическому исследованию не пришлось, она унаследовала фамильную внешность: изумрудные глаза, серебристо-пепельные волосы и длинный нос с горбинкой. У мужчин последний смотрелся роскошно, а у девушек, как по мне, не очень, но я всегда говорила сестричке, что она прекрасна.

Когда я выплыла из гардеробной при полном параде, чародей на несколько секунд потерял дар речи.

Роскошное платье подчеркивало мою стройную фигуру. Волосы заплетены в толстую косу на шесть прядей и украшены платиновыми заколками с сапфирами. Ко всему этому великолепию прилагалось заплаканное, чуть опухшее лицо.

— Принцесса, — севшим голосом произнес темный и смолк. Оглянувшись на своих наемников, стоящих у двери, махнул рукой, чтобы оставили нас одних. — Что происходит? Почему вы плакали?

На миг я даже вышла из образа великомученицы. Он что, тупой? Почему я плакала? А разве для слез нет причин?

— Моя жизнь разрушена, а вы предлагаете выглядеть счастливой? — прошептала жалобно.

Как чародей оказался рядом настолько быстро, толком и не поняла. Вздрогнула, но осталась стоять на месте.

— Вы хотите жить, ваше высочество? — помрачнел он.

— Вы мне угрожаете, ваше темнейшество? — не растерялась я.

Тенебриш усмехнулся:

— Если выйдете на балкон без истерик и улыбнетесь пару раз, когда герольд сообщит замечательную новость, я выполню одно ваше желание. — И, повысив голос, уточнил: — Скромное.

Ясное дело, просьбу оставить меня в покое скромной назвать было нельзя. И я пожелала свободы не для себя:

— Я хочу, чтобы вы отпустили мою няню в целостности и сохранности. Пускай остается в Аркиоле.

Глая, стоящая у входа в гардеробную, тихо охнула:

— Птичка моя! Да я же от тебя никуда!..

— Глая! — строго одернула ее я, безжалостно прерывая поток причитаний.

У меня нет более надежного, преданного и любящего человека, чем она. Мне прекрасно известно, почему она собралась ехать в столицу вместе со мной, — я была ее семьей, ее отрадой. Но допустить эту поездку не могла: старушка свяжет мне руки, не позволив даже надеяться на побег, а оставлять ее во власти могущего отомстить Тенебриша я не желала.

— Хорошо, я согласен, — после некоторого молчания произнес он.

— Поклянитесь.

Чародей не стал отнекиваться, как я боялась.

— Я, Децем Тенебриш, клянусь отпустить няню принцессы Кьярин в целости и сохранности и не препятствовать ей ни самостоятельно, ни через других людей, если она решит покинуть Аркиол.

Улыбнувшись, спокойно попросила:

— Теперь поклянитесь именем своего бога.

Недовольно поморщившись, он все же повторил зарок, упомянув Эшкиля.

— Клятва принята, — кивнула я и отправилась обратно в гардеробную приводить себя в порядок.

Под причитания Глаи с задачей справилась быстро, следы слез были убраны с лица.

— Прошу, ваше высочество, нас уже заждались. — Тенебриш учтиво предложил опереться на его локоть.

У двери, ведущей на парадный балкон, стоял герцог Холгер. Его синие глаза презрительно прищурились, когда он нас увидел. Или мне показалось? Да нет, от уничижительного взгляда генерала-предателя захотелось провалиться сквозь землю.

Втроем мы вышли на балкон. Толпа встретила нас вялым рукоплесканием и редкими выкриками.

С высоты отлично просматривалась вся площадь. Лица впереди стоящих — аристократов Аркиола, представителей гильдий — выражали смятение и страх. Мои подданные... Они мне поверили за то время, что я была наместницей. А я не смогла их уберечь. Впрочем, себя тоже. По последним данным, полученным перед поспешной свадьбой с графом Вэлдисом, во время короткой осады погибло больше ста человек, большинство из них — мирные жители, добровольно решившие встать плечом к плечу с четырьмя десятками легионеров, защищавших Аркиол.

Когда герольд возвестил, что наследная принцесса согласилась выйти за чародея Децема Тенебриша, толпа отреагировала молчанием. Ни горожане, ни легионеры, даже те, которые пришли с темным и Холгером, не стали кривить душой и показывать, что радуются такому повороту событий. И только наемники что-то вопили во всю глотку. Купленные чародеем беспринципные мечи, что с них взять...

— Достаточно, можете идти переодеваться в дорогу, — наконец милостиво разрешил темный.

В последний раз махнув рукой своим подданным, я с облегчением покинула балкон. Из-за Тенебриша с Холгером. Невыносимо находиться на нем рядом с убийцей короля и предателем.

Солнце стояло в зените, когда Тенебриш приказал своему войску возвращаться в столицу.

Он явно спешил, если не стал ждать утра. Может, боялся, что король Лонкарды уже спешит племяннице на помощь? Раз его не пугало, что ночь застанет нас, когда будем проходить через болото, где водилась нечисть пострашнее змей-переростков. Впрочем, что может грозить маленькой армии, состоящей из трех сотен легионеров и пяти десятков наемников? А если еще учитывать, что солдаты — часть Сапфирного легиона, который непосредственно подчинялся Кайрону Холгеру, прошедшему обучение в храме бога войны...

О составе войска чародея мне сообщил Мак, прежде чем его куда-то увели. Откуда он узнал, можно только догадываться. Вероятно, встретил знакомого среди солдат, и тот просветил его, сообщив все, что позволяла раскрыть воинская присяга.

Помогая вскочить в седло, темный нагло потребовал от меня и дальше делать вид, что всем довольна.

— Зачем? Я свою часть сделки выполнила, — демонстративно нахмурилась я.

— Ваше высочество, герольд объявил, что вы согласились стать моей женой. Так покажите это. Я хочу видеть счастливую невесту, а не пленницу.

— Хорошо, вы ее увидите, если отпустите моего телохранителя, — объявила я цену своим улыбкам.

— Все беспокоитесь о своих любимчиках, принцесса? — хмыкнул чародей. — Не пора ли подумать о себе?

Я пожала плечами. У меня не так много близких, чтобы не попытаться их спасти. Тем более когда по большому счету их жизни темному не нужны, и он надеялся использовать их как рычаг давления лишь отчасти.

— Хорошо, договорились. Проедете через город как счастливая невеста — я отпущу вашего телохранителя, — иронически подчеркнув последнее слово, произнес Тенебриш.

— Клятву, — напомнила я неумолимо и невинно захлопала ресницами, стирая впечатление назойливой вредины.

Зачем чародею мое якобы добровольное согласие? Неужели решил, что жителей Аркиола можно обмануть? Ох, о чем я? Можно, и еще как. Простой люд верит почти всему, что говорят свыше, если доволен правлением своего монарха. А моих подданных все устраивало: я единственная из наместников Аркиола, наследных принцев и принцесс, которых отправляли сюда практиковаться в управлении страной, кто первым делом не стал перестраивать и достраивать город.

Аркиол... благополучный, богатый, с пестрой мешаниной разных стилей в архитектуре. Я успела его полюбить. Светло-серые дома, чистые улицы даже в бедных кварталах. Хорошие дороги и большой красивый парк с двумя озерами. Улыбчивые жители и низкий процент преступности.

Как же мне жалко расставаться, Аркиол! Мне понравилось быть твоей жительницей.

Ярко светило солнце. На небе ни тучки, зато в душе моей бушевала буря, буря эмоций. Я испытывала злость и одновременно чувство унижения. Их приходилось подавлять, весело улыбаться и махать платочком аркиольцам, которые выглядывали из окон своих домов. Я не имела права открыто выказывать истинное отношение к чародею. Зато моя серая кобыла Дымка нервно всхрапывала, когда он подъезжал слишком близко, что не могло не радовать.

Когда подошли к воротам разрушенной городской стены, я обернулась.

Прощай, Аркиол... Я надеялась побыть твоей наместницей еще не один год. Отцу я смерти не желала, замуж не спешила, хотя и считалась уже засидевшейся в девках. Мой любимый город, я мечтала подарить тебе дополнительный источник дохода — сначала грибы в пещерах, затем в ближайших планах были фермы с шелкопрядом. А шелк — это не только производство нитей, тканей и дорогой одежды, но и много-много рабочих мест.

Увы, мои мечты теперь не исполнятся.

Потянулись поля, потом началась холмистая местность. Пехота шагала браво, как заведенные игрушечные солдатики, от которых не может оторваться мальчишка, получивший их в подарок.

Середина лета. Солнце нещадно пекло макушку, и я набросила на голову легкий платок.

О приближении к болотам предупредил прохладный, влажный ветерок, несущий на своих крыльях аромат спелой ярошки и запах гниющей травы. А еще гнус. Мелкие мерзкие

кровососы доставали только меня — солдаты, как я заметила, сразу намазались зеленоватой мазью. Притом весьма вонючей — ее запах, долетая, заставлял слезиться глаза.

После очередного укуса в шею я тихо выругалась, помянув запрещенное имя темного бога:

— Шэйш!

Я уже мечтала о солдатской мази, хотя у меня, принцессы Мизгира, был отличный амулет от насекомых, пауков и змей... был, пока его не отобрали.

Стоило мне окончательно загрустить, как Тенебриш подъехал на вороном, нервно прядящем ушами жеребце и протянул мое оплакиваемое колечко с сапфиром.

— Не хочу, чтобы моя невеста напоминала распухшую на солнце рыбину.

Ничего себе у него воображение! Сравнить принцессу с тухлой рыбой!

Я возмущенно поперхнулась и молча взяла артефакт, прогоняющий кровожадную мерзость. Жаль, что он не действовал на темных чародеев.

— Благодарю за доброту, ваше темнейшество.

— Потом вернете, — добавил Тенебриш, испортив впечатление о своем благородстве.

И все же... и все же это знак. Не такой уж он и темный. Мог оставить меня мучиться, а потом, если покусанное распухшее лицо раздражало его внутреннего эстета, дал бы мне на время исцеляющий артефакт.

Колечко вернулось ко мне вовремя — оно спасло от кровожадных туч гнуса, агрессивно набросившихся на людей и животных, стоило колонне ступить на топкую почву.

А спустя час я поняла, что зря беспокоилась о переходе через болото — ни одна гигантская змея не посмела переползти дорогу темному слуге Эшкиля.

Закончив наводить чары сна на всех опасных пресмыкающихся в округе, Децем Тенебриш привычным жестом встряхнул руками. С пальцев сорвались золотые огоньки, будто капли воды, и впитались в землю.

Нацепив на лицо благодушное выражение, он достал из поясной сумки небольшое зеркало. Глядя на свое отражение, тихо произнес слово-ключ. Гладкая поверхность пошла рябью и вскоре отразила красивую темноглазую блондинку, пышущую гневом.

— Почему так долго? — накинулась на него она. — Я извелась вся, дожидаясь вестей!

— Я не на увеселительной прогулке, я все же город брал.

— Ты брал? — усмехнулась женщина. — Взял бы ты Аркиол, если бы не генерал.

— Я мог стереть город до последнего камня, — процедил темный.

— Ну и дурак... Камнями править мало удовольствия.

У чародея дернулась щека, но оскорбление он проглотил.

— Принцесса у меня.

— Отлично! — Радостная улыбка заиграла на пухлых губах блондинки, и она вмиг подобрела.

— Отлично, да не совсем. Къярин — больше не девственница. Она сочеталась узами брака с местным аристократом.

— Что?!

— Я убил его, — не обращая внимания на истерический вскрик собеседницы, сказал чародей. — Придется мне делать ребенка высочеству и терпеть ее рядом с собой несколько лет.

— Терпеть, значит... Нет, Децем, я не потребую от тебя сей великой жертвы, —

женишься на второй принцессе, когда она подрастет.

— Ты разве знаешь, как выцарапать ее из храма богини?

— Больше! По донесениям моих шпионов, она сбежала и направляется к границе с Лонкардой.

— За помощью? Ты была права, мизгирские принцессы так просто не сдадутся. И все же младшая слишком мала для брака, поэтому я женюсь на Кьярин.

— Ты твердо решил? Будешь довольствоваться ролью консорта и капать слюной на артефакты королей? — презрительно поморщилась блондинка. — Когда произносишь имя принцессы, у тебя горят глаза. Мне это не нравится, Децем! Ты испортишь все, к чему мы шли много лет, и я...

— Хватит! — Его глаза полыхнули огнем. — Достаточно!

Женщина побледнела, поняв, что переступила опасную черту.

Но чародей ее страха уже не заметил. Оторвавшись от зеркала, он вглядывался в покореженные деревья и поросшие бурой травой кочки. Позади доносилось ржание лошадей и бряцанье оружия. Колонна приближалась, пора завершать разговор.

— Кьярин — всего лишь путь к трону, — глухо произнес он. — Можешь не беспокоиться о моем сердце — у меня его нет, мама.

Глава 2

Его Темнейшество

Когда объявили привал, я с трудом сдержала свою радость, не желая ее показывать Тенебришу.

Люблю соревноваться в скорости с ветром на Дымке, но не сейчас. Я слишком устала за последние дни и забыла, когда спокойно спала целую ночь, не просыпаясь от кошмаров.

Почти половину лунного цикла, с тех пор как стала невольной свидетельницей убийства короля Рихарда, не могу спать. Стоит ночью закрыть глаза, как вижу кровь на клинке Тенебриша... И равнодушное лицо Холгера, который провел чародея сквозь магическую защиту в аметистовую гостиную фаворитки, где все и случилось.

Я не могу простить себе, что в последние минуты жизни отца ссорилась с ним. Много бы отдала, лишь бы вернуться в прошлое и попросить прощения.

Два года правления в вольном граде Аркиоле впечатлили короля, и его похвала, когда он назвал его вполне сносным, вскружила мне голову. Я решила, что могу обойтись без мужа, не буду заключать политически выгодный союз с соседней державой. Что буду хорошей правительницей, а не тенью монарха, которая ничего не решает, а уныло вышивает покров для алтаря богини.

Отец же хотел выдать меня за племянника короля Лонкарды, мужчину, который вряд ли позволит мне иметь собственное мнение и, разумеется, не допустит править Мизгиром. Герцог Маруш слыл жестким вельможей, считающим, что женщина создана украшать жизнь своего супруга и рожать ему детей.

Так стоит ли удивляться, что, вкусив привольной жизни наследницы, а потом получив украшенную драгоценными камнями поваренную книгу в дар от жениха, я возмутилась. И сразу вызвала отца на разговор лицом к лицу. И невольно через магзеркало видела собственными глазами, как без препятствий проникший в защищенный дворец чародей убил его. Никогда, никогда — клянусь богиней! — не забуду я то страшное утро. Самое светлое время суток навсегда окрасилось для меня в багрово-черные тона.

— Холгер, займись лошадью моей невесты. — Слова Тенебриша вырвали из воспоминаний.

Герцог беспрекословно забрал из моих рук поводья и скребок. Дымка, всхрапнув, отступила от него на несколько шагов.

Чую, сейчас что-то будет... Я с трудом сдержалась, чтобы не потереть в предвкушении руки.

— Тихо, тихо, красавица! — Раб чародея ласково коснулся широкого ганаша, затем его ладонь скользнула на шею животного. — Я всего лишь хочу о тебе позаботиться.

Кобыла не любила чужаков. Приготовившись успокаивать любимицу, я изумилась тому, как легко твердая рука воина, отмеченного проклятием, удержала ее от побега, заставив покориться ему. Талант, однако... Когда все закончится и я верну себе власть, отправлю генерала-предателя на королевскую конюшню — там он будет полезнее, чем в шахтах. Или же определю на дракентню — с ящерами он тоже неплохо управляется.

— Ваше высочество! В каких облаках вы витаете?

Задумавшись, я не слышала, что Тенебриш ко мне обращается.

— Да, ваше темнейшество?

— Я говорю, что вы, прекрасная принцесса, идете со мной.

Чуть взбодрившись в ожидании, что Дымка, проявив свой поганый нрав, лягнет или хотя бы укусит герцога, я вновь ощутила навалившуюся усталость. Как же я хочу спать... и есть тоже.

— Куда идти?

И чего ему здесь не сидится? Обозники уже занимались обустройством лагеря, таская все необходимое из подвод. Часа через два можно будет поужинать и отдохнуть.

— Скоро узнаете, ваше высочество. — Чародей нетерпеливо поглядывал в сторону густой чащи.

Решил затащить меня в кусты и надругаться? В душе вяло шевельнулся страх. Я так устала, что даже сопротивляться не буду. И гори оно все синим пламенем...

— Бойтесь, Кьярин? — насмешливо протянул Тенебриш, правильно оценив мою реакцию. — Могу поклясться именем Эшкиля, что не прикаснусь к вам. — Он помолчал и с предвкушением закончил: — Если только сами умолять не начнете.

Нет, я слышала, что чародеи — изощренные любовники, но разве прилично на это намекать невинной девушке? Ой, уже не невинной, а вдове, познавшей радости супружества. Главное, теперь не забывать об этом.

А еще стоит помнить, что у темных извращенное чувство юмора. Может, говоря о том, что прикаснется ко мне, лишь когда буду умолять его об этом, он представлял, как сталкивает меня в яму со змеями? С него станется.

Чародей ждал ответа, и я покачала головой:

— Нет, не боюсь.

Он протянул руку. Я ее не приняла. Темная бровь вопросительно взлетела на лоб.

— Ветки, ваше темнейшество. Как мы продеремся через заросли вместе?

Тенебриш хмыкнул. Колючий кустарник с треском разошелся в стороны, словно его раздвинули руки невидимого великана.

— Прощу, ваше высочество.

Опустив позорно дрожащую ладонь на его галантно подставленный локоть, я отправилась в неизвестность.

Чем дальше шли в зарослях, тем темнее становилось — световые шары, неподвижно висящие в воздухе, остались над лагерем.

— Простите, но не могли бы вы осветить нам путь? — И не удержалась от ехидного намека на утреннюю экспроприацию: — Без своих артефактов я плохо вижу в темноте.

Тенебриш щелкнул пальцами, с их кончиков сорвался рой ярко-желтых огоньков, которые весело закружились над нашими головами. Ночь превратилась в вечер, можно было даже читать при таком освещении.

— Если есть еще пожелания, не стесняйтесь, ваше высочество... Только артефакты обратно не просите.

Да я уже поняла, что вернуть их можно только силой.

— И все же куда мы направляемся?

— Терпение, ваше высочество, мы почти на месте.

Мое сердце громко стучало в груди. Я шла рядом с убийцей короля и не могла его наказать. Я бы десять лет жизни отдала за браслет, который он у меня отобрал. И в этот раз рука не дрогнула бы — герцога Холгера, закрывшего собой чародея, тут нет.

От мрачных мыслей отвлек плеск воды.

— Вода должна быть теплой, предлагаю искупаться, — заявил темный с неприкрытой радостью в голосе.

Мы вышли к укромному озеру, со всех сторон окруженному колючим терновником и замшелыми камнями. На пологом берегу росли темно-зеленые широколистые кайли — белые цветы с красной сердцевинкой. Их лепестки мягко светились в магическом свете.

Часть огоньков рванула к центру озера, освещая его.

Вода, у берега чистая и прозрачная настолько, что видно дно, чуть дальше казалась застывшей смолой. Находился водоем не слишком далеко от нашего привала, но все же мы его не заметили, и чтобы напоить лошадей, солдаты долго искали другой источник. И уж, разумеется, в том мелком ручье нельзя купаться.

Хм, чародей не рассказал об озере. Почему? Оставил его для собственных нужд?

Оглянулась. Сейчас Тенебриш раздевался, торопливо сбрасывая одежду. По выражению его лица видно, как сильно он предвкушал блаженство. Значит, все-таки для себя.

— Принцесса, вам необходимо приглашение?

И для меня, получается... Вот только воспользоваться его подарочком нет желания, ибо чревато страшными последствиями. Мне совсем не нужно, чтобы он получил право первой крови, которое давало мужу принцессы Мизгира силу управлять артефактами ее рода и соответственно — Сторожевыми Столбами.

— Вода для меня слишком холодная, спасибо, нет.

— Принцесса Къяри, — чародей наморщил острый нос, — я предпочитаю, чтобы в моей постели лежала красавица с грязными мыслями, но чистым телом.

Фу, как грубо, остряк! А главное, откровенно — он не позволял возникнуть иллюзиям, что будет по-другому.

— Я не собираюсь лежать с вами в одной постели, — решительно возразила я. — И купаться вместе с вами не буду!

— Вы прямо как принцесса-недотрога из сказки! — всплеснул руками язвительный чародей. — Надеетесь, что, как и ее, вас спасет герой? Еще не осознали своего положения, ваше высочество? Печально.

Ворот моей дорожной туники внезапно шевельнулся, как живой. Мне стало до одури страшно. Что стоит этому безумцу сейчас меня придушить? В глазах потемнело от ужаса.

— Так понятно, ваше высочество? Вы не в том положении, чтобы я учитывал ваши капризы.

Темнота отступила. Воротничок разгладился, прекратив изображать кандидата в удавку. А я жадно глотнула воздух. Какой же он ароматный! Какое счастье просто дышать!

— Итак, моя дорогая невеста, я жду вас.

Можно быть какой угодно смелой, пока на себе не поймешь, что такое темные чары.

И я подошла к прибрежной кромке.

Тенебриш успел обнажиться и войти в воду. Довольно порывивая, он в несколько гребков достиг противоположного берега.

— Къярин, идите ко мне — вода замечательная!

— Сейчас... иду.

Я откровенно тянула время, и мужчина поплыл обратно.

Слава богине, что маленькое озеро оказалось глубоким, и я не увидела того, чего не хотела зреть. И все же мои щеки горели.

— Как мило, что вы еще не забыли, что девице положено смущаться. Выходит, меня все-

таки ждут приятные моменты. — И довольный Тенебриш нагло признался: — Люблю обучать, моя дорогая принцесса. Верю, что с вами это будет крайне приятно.

Я покраснела, теперь не от смущения — от злости. Мало того что он постоянно нарушал правила этикета, так еще и отпускал сомнительные комплименты!

— Ваше темнейшество, вы — мужлан!

Запрокинув голову, брюнет весело рассмеялся:

— Сочту за комплимент, прекрасная Кьярин. К слову, а как вас называют близкие? Рина? Кьяра?

Хотела заявить, что он этого никогда не узнает, потому что никогда не станет близким, но побоялась. Вдруг он умеет очаровывать? Темным магам, которых Серж Смелый изгнал из страны, удавалось многое. Если светлые считали недопустимым влезать в голову и сердце человека, то их противники не чурались подлых приемов. Жаль, что, изгнав вторых, мой предок нарушил естественный магический баланс, и в стране постепенно исчезли и чародеи света. А из других стран к нам перебирались на постоянное место жительства без особой охоты — священную войну против магии сложно забыть. Да и Сторожевые Столбы, установленные на границе и внутри страны, серьезно ослабляли пришлых чародеев.

Цепочка мыслей привела к страшной догадке:

— Захват власти... Вы хотите уничтожить Сторожевые Столбы и впустить темных?

Плескавшийся в озере Тенебриш застыл, а затем расхохотался.

— Насмешили... Как вы думаете, принцесса, если сейчас по силе мне нет равных в стране, то выгодно ли менять ситуацию? — снисходительно задал он встречный вопрос, отсмеявшись. — То, что я родился с высоким уровнем силы в Мизгире — великая милость Эшкиля, его чудо. И обесценивать его, впуская в закрытую страну других одаренных, значит совершить грех.

Я закусила губу, борясь с острым желанием сообщить, что никакое он не чудо, а обыкновенное чудовище.

Но он и не дал возможности высказаться. Земля резко ушла из-под ног — непреодолимая сила сдернула меня в озеро.

— Ах!..

Я окунулась в воду с головой.

Испугаться не успела — Тенебриш вытащил за шиворот.

— Как нехорошо получилось, ваше высочество... Вы похожи на мокрую кошку, — издевательски произнес он. — А я предупреждал — надо было раздеться самой.

Он стоял рядом со мной, касаясь своими бедрами. Стоял голый!

— Отпустите, — процедила сквозь зубы.

Он демонстративно разжал руки, и от неожиданности я еще раз упала, погружаясь в воду с головой. Немного побарахтавшись, поплыла к берегу. А вскоре и пошла — расстояние от глубины до мелководья оказалось небольшим.

Меня трясло от злости. Я едва не рычала! Богиня, я никогда не мечтала об убийстве как о способе мести! До сегодняшнего дня не знала, что могу быть настолько кровожадной. У меня появилась еще одна причина уничтожить чародея — принцесс не унижают!

Некоторое время сидела, дрожа, на песчаном берегу, невольно наблюдая, как брюнет радостно плещется, ныряя, словно маленький. Когда он выходил из воды на берег, я быстро отвернулась. Недостаточно поспешно — перед глазами, даже зажмуренными, застыло видение голого мужского тела. Жилистое, длинноногое, с узкими бедрами и дорожкой

черных волос на плоском животе, спускающейся к тому самому... Отвратительная картинка!

Натянув замшевые штаны, с рубашкой в руках он подошел ко мне. Мог бы и полностью одеться! Или решил покрасоваться своим бледнокожим торсом? Вот только он не впечатлял — видела не раз упражняющегося с мечом Мака, вот у кого мышцы груди и спины на загляденье. А еще в душе хранилось волнующее воспоминание о другом тренированном теле... но нет, его я точно вспоминать не хочу.

— Кьярин, как предпочитаете, чтобы я высушил вашу одежду? — Глаза Тенебриша горели азартом. — Снимете ее? Или так сушить, на вас?

Хотела отказаться вообще от сушки, но потом подумала, что в лагере произведу фурор, если появлюсь в мокром, обтянувшем фигуру наряде.

— Сушите так.

Чародей, шагнув ближе, отбросил рубашку, да так неудачно, что она упала не на ветки куста, а на мокрый песок.

— Не дрожите, Кьярин, я вас не съем.

Что-то я уже сомневаюсь в этом...

Его руки легли мне на плечи. Я вздрогнула, но промолчала. Узкие кисти его темнейшества чуть сжали ткань, и приятное тепло проникло сквозь нее, коснувшись моей кожи. Оглаживая мои руки, чародей слегка надавливал, будто массируя. Длинные, унизанные драгоценными кольцами пальцы перебежали в область груди. Мой наряд для верховой езды был целомудрен, с узким вырезом и высоким воротником, но это особо не радовало — заклинание, проникая сквозь ткань, грело кожу, и вскоре по ней разгулялись мурашки. Необычное ощущение, противное... Противное, я сказала!

— Не надо дергаться, недотрога, я не пристаю к вам. Пока...

Талия, спина, попа — он не пропускал ни одной части тела, подолгу останавливаясь. И гладил, гладил, гладил... Очень тщательная сушка, ничего не скажешь.

Сердце громко стучало где-то в горле, щеки пылали. Когда жар перетек в низ живота и ноги стали подкашиваться, я испугалась. Странная реакция тела... всего лишь тела — негодяи никогда меня не привлекали. Пришлось мысленно напомнить себе, что Тенебриш — убийца короля Рихарда. И пускай тот был для меня больше монархом, чем отцом, я обязана отомстить за его смерть. Это помогло, подействовав как холодный душ на горячую голову.

И все же в горле пересохло, пришлось прокашляться, чтобы прошипеть:

— Достаточно, моя одежда высохла! — И, мгновение помолчав, я добавила: — Очень признательна вам за помощь.

Спустя минуту захотелось забрать слова благодарности. Мало того, я остро возжелала смерти чародея.

Подняв свою мокрую рубашку, он небрежно встряхнул ее, и ткань не только вмиг обсохла, но и очистилась от прилипших песчинок.

Значит, меня он просто лапал? Ах он...

— Гад... мм, — тихонько замычала я, прикусив язык.

— Что вы сказали, принцесса? — Тенебриш, застегивающий пуговицы, вскинул смоляную бровь.

— Ничего, ваше темнейшество, ничего.

Только болью удалось отрезвить закипевшее яростью сознание, и ругательство не сорвалось с моего языка. Принцесс учат держать эмоции в узде, вежливо улыбаться, ни единой гримасой не выдавая истинные чувства. Но как же сложно мне давалось лицемерие!

Как часто я мечтала наплевать на правила и сказать все, что хочется!

Сейчас же удерживали гневные слова не правила этикета, а боязнь за свою жизнь. Всегда есть грань, которую переходить нельзя, даже когда кажется, что тебе, прекрасной и незаменимой, все можно.

— Вы уверены, Кьярин? — Чародей смотрел на меня насмешливо.

Значит, услышал... но это только позабавило его.

— Ничего. Проголодалась я что-то.

— Так за чем дело стало? — Тенебриш предложил опереться на его руку. — Полагаю, ужин уже готов.

Учитывая, сколько мы добирались до озера, сколько он плавал и сколько потратим времени на возвращение, то ужин, несомненно, будет готов.

Всю дорогу чародей развлекал разговорами о пустяках, словно мы на увеселительной прогулке, а я все еще вольна делать, что пожелаю. Следить за словами, делая вид, что все хорошо — тяжело, отнимает много сил. И к моменту возвращения на стоянку я чувствовала себя измотанной, выжатой до капли. Впору подумать, что чародей выкачал из меня энергию. И я бы поверила в это, если бы не читала, что подпитка от человека возможна с помощью кровавого ритуала или очень близкого контакта.

В лагере царило оживление. Разделенные на десятки легионеры и наемники сидели вокруг костров, мирно ужиная. Как ни присматривалась, герцога Холгера я не увидела. Хм, вообще-то он мне не нужен... поэтому к шэйшу его, прочь из моей головы!

С удовольствием я сделала глубокий вдох — пахло кашей, жареным мясом и травяным чаем. Желудок напомнил о себе урчанием. Надеюсь, Тенебриш сначала меня покормит, а только потом решит приставать. Что он обязательно будет «соблазнять», после озера уже не сомневалась. Но я знала способ, как охладить мужской пыл — всего один, правда, поэтому поберегу на крайний случай. Ну а пока попробую просто поговорить...

С другой стороны, не слишком я самоуверенна? Тенебриш не только темный, он еще и человек. А люди сделаны не из железа, а из плоти и крови, им тоже нужно отдыхать. Забавно, я как-то раньше не думала, что и злодеи тоже хотят кушать и спать.

Поужинать, обтереться мокрым полотном и упасть в кровать — вот о чем я мечтала сейчас. Отдала бы полкоролевства за горячую ванну. Хотя нет, слишком высока цена... достаточно и трети.

Не удержала тяжкий вздох — без служанки, которую я не решилась взять в путешествие, придется вспомнить детство. Отвыкла я от самостоятельности, роскошь развежила. Позабылось время, когда наследником был брат (ох, прошло два года, а Сандр все еще воспринимается единокровным братом!), и меня предоставили фактически самой себе. Учителя и слуги смотрели сквозь пальцы на развлечения не для принцесс — рыбалку, бешеные скачки на лошади по полям, ночевки в горах вместе с верным телохранителем.

Эх, Мак... Жаль, что он далеко. Хотя нет, не жаль, ведь он спасся и попытается спасти меня. Вообще нам сказочно повезло, что Тенебриш оставил его в живых и при этом не приказал дать клятву подчинения. Темный самонадеянно списал вояку-ветерана со счетов. А зря...

Благодушное настроение, вызванное располагающей атмосферой лагеря, сошло на нет, когда я нигде не заметила королевских цветов и золотого паука на зеленом фоне — символ правящего дома Мизгира.

— Простите, а где мой шатер? — настороженно поинтересовалась у чародея.

— Вы спите в моем, ваше высочество. Слишком вы ценны, чтобы оставлять даже призрачный шанс на побег.

В его ответе мне почудилась легкая насмешка. И я всем своим видом — хмурым выражением лица, сжатыми кулаками — выразила праведное негодование.

— Побег в горах? Когда до столицы пять дней пути, а обратно, в подконтрольный вам Аркиол, один, но зато через болото, полное гигантских змей? Вы слишком плохого мнения о моих умственных способностях, ваше темнейшество!

— Я рад, что вы умная девушка, Кьярин, моим будущим детям повезло с матерью, — спокойно произнес чародей. — Прошу, ваше высочество.

И он пропустил меня вперед, в чернильно-черный шатер.

Внутри приглушенно светились магические лампы, оставляя дальние углы в темноте. В самом центре стоял сервированный на две персоны стол, чуть дальше — не по-походному широкая кровать, накрытая покрывалом из черного меха.

Я отвела взгляд. Если в очередной раз мне не повезет, то вскоре узнаю, скрипит ли она... И эта проверка станет концом всех моих надежд на счастливое будущее — и мое и Мизгира.

Поухаживав за мной, как полагалось галантному кавалеру, Тенебриш приступил к трапезе.

— Приятного аппетита, ваше высочество.

Когда узнала, что ночь придется провести рядом с ним, есть резко перехотелось, к горлу даже подступила дурнота. И я принялась нервно крутить вилку в руках.

— Не надо волноваться, Кьярин, сегодня я не буду к вам приставать, — великодушно обнадежил темный.

Сам он ел с удовольствием, смакуя каждый кусочек зажаренной на вертеле птицы, при этом бросая на меня оценивающие взгляды.

Строить из себя заливающуюся слезами бледную деву (да, ту самую недотрогу из сказки), отказываясь сидеть с ним за одним столом, — глупо и по-детски, особенно если учитывать, что мне нужны силы. К тому же с него станется отправить меня спать голодной.

Жаркое в горшочке, дичь, несколько видов колбас и сыров, много овощей и фруктов — для похода на удивление богатая трапеза. И я убедилась, что не отказываться от возможности плотно и вкусно поужинать, тем более тошнота после обещания, что ко мне не прикоснутся сегодня, постепенно отступила.

Невольно вспомнилось, как два года назад, когда раздосадованный отец, в один миг утративший жену и сына, отправил меня в Аркиол, тем самым признав наследницей, у меня не было такого роскошного ужина. Я спала в шатре, но ела то же самое, что и сопровождавшие меня воины.

— Предлагаю выпить за ваше благоразумие, — наливая темно-красный напиток в серебряный бокал, вдруг предложил темный.

Как назвать девушку, пьющую в компании несимпатичного ей мужчины, который смотрит на нее жадным взглядом? Если мягко обозвать, то слишком наивной... Ладно, я тоже наивна, но не до такой степени.

— Спасибо, но я не люблю вино.

Тенебриш, прищурившись, вкрадчиво поинтересовался:

— А вы знаете, как кормят птенцов серых вестников, если те остаются без родителей?

Я знала. Ценных почтовых птичек старались выхаживать и, если требовалось, их

кормили изо рта.

Намек понятен: откажусь от вина — он напоит меня, целуя.

Что ж, буду слишком наивной, оптимистичной и немного хитрой.

Подняв бокал, дрогнувшим голосом произнесла:

— Я пью за темных чародеев прошлого! За их благородство и умение держать слово.

Если слегка поиграть с гордыней Тенебриша, наверняка мечтающего о славе своих предшественников, то смело можно рассчитывать, что этой ночью он будет вести себя по кодексу кумиров.

Сработало! Глаза мужчины заблестели, он приосанился, но все же скептически заметил:

— Темные и благородство? Вы ничего не перепутали, ваше высочество?

— Нет, я читала семейные хроники из закрытого архива. Там немало подтверждений, что не все темные — абсолютное зло.

Но большинство еще те монстры... Естественно, об этом промолчу. В основном держали слово темные из числа иномирцев, пришедших на Тарру.

— Что ж, выпьем и за благородство, — поддержал мой тост Тенебриш.

Дальше мы ужинали в тишине — он не начинал беседу, и я с облегчением молчала. Лихорадочно вспоминала все, что о нем слышала, пытаюсь найти то, что пригодится мне в нашем противостоянии. Что-то, на чем можно еще сыграть.

Когда Тенебриш убил короля Рихарда и с помощью наемников, а затем и армии, которая клялась в верности не только монарху, но и главнокомандующему, генералу Холгеру, захватил власть во дворце и столице, пошли самые разные слухи. Что он иномирец, служащий темному богу Эшкилю. Или еще смешнее: он шпион Ирдии, и его прислали подорвать устои закрытой от магии страны, чтобы затем передать ее во власть императора-демона. Но мне импонировала простая и оттого похожая на правду версия: Тенебриш — амбициозный псих, и его из забытых богами трущоб вытащил и приблизил к себе Холгер, прежде чем его доверие было предано.

— Я на время верну вам артефакт исцеления, — внезапно заявил чародей, снова наполняя серебряные бокалы.

У меня перехватило дыхание от радости.

— Спасибо, вы очень великодушны!

Я по-настоящему возликовала: он заметил мою усталость и легкое недомогание из-за бессонных ночей! Все же ничто человеческое не чуждо и этому темному!

Увы, моя радость оказалась преждевременной.

— После недавней потери девственности ночь с мужчиной может причинить вам новую боль, а я не настолько гадок, как вы считаете.

Что? Ночь с мужчиной? Какая такая ночь? Он ведь только что пообещал не трогать меня!

Внутри все заледенело от страха, и в то же время постепенно разгоралось пламя гнева. Темный не держит слово. Значит, я правильно поступила, заставив клясться именем Эшкиля! Иначе он и не подумал бы оставить в живых ни Мака, ни Глаю!

— Спешите уложить в свою постель? Бойтесь, что мой дядя вскоре объявится здесь, рискнув перейти через горы?

О том, что он может спокойно пересечь границу, получив разрешение у моей сестры, разумеется, я не сказала. Пусть Тенебриш думает, что он в безопасности, ведь через опасные Седые горы, естественную границу между Лонкардой и Мизгиром, пойдет только

сумасшедший, и уж тем более через них не сможет перебраться без больших потерь целая армия.

Тенебриш, резко подавшись вперед, ласково прикоснулся к моей щеке.

— Ошибаетесь, Къярин, ваш дядя, — он довольно ухмыльнулся, — не опасный для меня противник. Причина в другом: сложно, заполучив подобную красавицу, не сделать ее вскоре своей.

Вот теперь мне стало страшно по-настоящему! Страшно до колотящегося сердца, до дрожащих пальцев, до потемнения в глазах...

Им руководили не опасение, что родственники меня отобьют, а похоть. Ох, богиня, я пропала!

Если с первым я бы справилась, убедив, что оно беспочвенно, что дядя объявится в Мизгире не скоро, что нужно придерживаться законов Милосердной Матери и сначала получить благословение в храме... То со вторым, увы, мне не сладить, ведь как остудить мужское желание, я знала плохо. Я отлично умела симулировать тошноту — и все. Вот уж поистине насмешка проклятого Эшкиля! Я учила, как понравиться будущему супруг, но почти всегда пропускала мимо ушей советы, как избежать нежелательного внимания, наивно думая, что принцесса защищена от приставаний и насилия.

А это не так. Какой бы ни был у женщины социальный и семейный статус, нельзя сказать, что она в абсолютной безопасности. Ум и очарование также вряд ли помогут, если мужчина беспринципный толстокожий негодяй. Красота не растрогает его, слезы не разжалобят.

В который раз захотелось закричать, заплакать, потребовать, чтобы оставил в покое... Но я сдержалась, помня, что не имею права на глупости. Период отчаяния прошел тогда же, когда начался — в день, когда увидела через магзеркало, как Тенебриш убил короля. До захвата Аркиола было время, чтобы понять: спасение страны и мое собственное в первую очередь зависит от того, как я себя поведу. Будь у меня защитник, я бы с радостью спряталась за его спиной. К несчастью, отстаивать свои интересы предстояло самостоятельно.

Старательно делая вид, что не боюсь, я потянулась к блюду с фруктами. Пальцы коснулись гладкого бока фиолетового плода. Вавилика? А что она делает рядом с яблоками? Неужели Тенебриш не знал, какой неприятной будет реакция, если съесть оба фрукта? Симулировать не придется — тошнота получится настоящей!

Я разрезала яблоко на четвертинки, затем очистила от кожуры вавилику — и покосилась из-под ресниц на Тенебриша. Он спокойно намазывал кусочек хлеба мягким сыром. Ха, выходит, не знал...

Не сдержала улыбки. Вот и найден надежный выход, как не разделить с ним постель. Нет, самонадеянный темный, ничего ты от меня не получишь! Сегодня так точно. Ни одного мужчину не прельстит покрывшаяся волдырями женщина, которую тошнит, выворачивая наизнанку.

Шэйш, ну до чего же мне везет! Даже страшно!

Между тем сок коварной вавилики чудесно утолял жажду, особенно после спиртного, разгоняя легкую дымку хмеля. Осталось съесть кусочек яблока — и относительно спокойная ночь мне обеспечена.

— Еще вина, моя принцесса? — поинтересовался Тенебриш, пристально глядя на мои губы.

Бутылка на столе опустела, и я поспешно кивнула, взволновавшись при мысли, что он

отойдет на пару минут за новой. Этого времени хватит, чтобы съесть яблоко и на всякий случай вооружиться.

И действительно, только мужчина отвернулся, я стянула нож, лежащий в хлебной корзинке. Его пропажу не сразу заметит, ведь ужин почти завершен.

Я успела спрятать оружие, прикрепив его под туникой к специальному ремешку штанов, и тут чародей вернулся к столу.

Только взялась за яблоко, как он, неспешно разливая рубиновый напиток по бокалам, торжественно произнес:

— Кьярин, я хочу предложить еще один тост. В этот раз за взаимопонимание. Я вижу, что ненависти ко мне у вас нет, только опасение за свое будущее. И я прекрасно понимаю, почему так. Король Рихард никогда не любил вас, как и вашу мать, иначе не развелся бы, назвав свою подлость волей богини, а вас не отправил бы с глаз долой до совершеннолетия.

Он говорил, а я сжимала кулаки. Да так сильно, что несчастный кусочек фрукта раздавился в пюре.

Зачем вспоминать о давнем позоре моей мамы? Да, отец ужасно оскорбил ее, отправив в Лонкарду обратно к брату, но зато она жива и счастлива во втором браке. При этом в качестве компенсации ей отошла одна из алмазных шахт Мизгира, стоящих у самой границы. Сейчас я уверена, что все случилось к лучшему: оставайся она королевой, Тенебриш ее бы не пощадил — скорее всего, убил бы, чтобы не мешала.

— Судьба — мстительная дама. Она обожает наказывать за оплошности, даже много времени спустя. Вот и с королем Рихардом так: он мечтал о сыне, а пришлось оставить трон вам, Кьярин.

Да, закон Мизгира прост: наследует сын, но если его нет, то старшая дочь. И ведь действительно, судьба отплатила монарху Мизгира за попорченную честь первой жены. Получив предсказание, что у него не будет сыновей, а только дочери, он развелся с ней ради фаворитки, которая родила ему мальчика. Бедный папа не догадывался, что девица не стеснялась принимать знаки внимания сразу двоих, рассудив, раз не женится король, так в храм поведет его придворный. Больше десяти лет отец был самым рогатым монархом Тарры, не подозревая об этом.

— Мы с вами похожи, Кьярин, родители нас недооценивали, делая ставку на других детей, которые казались им более достойными.

Я наострила уши. Вино развязало чародею язык? И он решил открыть мне душу? Так это же замечательно! Надо слушать внимательней!

Пригубив вино, подыграла собеседнику:

— Да, быть тем, кого не воспринимают всерьез, обидно. Сердце разрывается от желания понять, почему близкие делают больно.

— Скажите, вы обрадовались, когда король поймал вашу мачеху на измене?

— Нет, — призналась честно, — мне было все равно, ведь в тот момент для меня все оставалось по-старому.

Чародей понимающе кивнул:

— И изменилось, когда монарх решил проверить, своего ли сына обучает править страной. Вот только не понимаю, на что рассчитывала королева Велора? Ведь чужую кровь королевские артефакты не примут.

Догадываюсь, что она планировала обойти закон и посадить на трон свою дочь, мою младшую сестру. Да, венец примерила бы Эйрика, а Сандр был бы при ней главным

советником, тут никаких больше вариантов. Но при этом я сильно сомневалась, что он знал о планах матери — парень искренне полагал, что принадлежит к роду Сержа Смелого.

Решив прикинуться наивной и подразнить темного, неуверенно произнесла:

— Сложно предположить, что творится в чужой голове. Вероятно, бывшая королева хотела устроить государственный переворот?

Тенебриш недовольно поморщился:

— Велора не дура. Она понимала, что в таком случае начнется разброд в умах, а то и восстание. Вдобавок, взойди на престол тот, кого не признали бы артефакты, рухнули бы границы, в Мизгир хлынули бы чародеи. Уверен, официально правила бы ваша младшая сестра, а на деле все важные решения принимали бы ее мать с братом. Представляю, как вы их ненавидите.

— Вы ошибаетесь.

— Ой ли?

Богиня может прочесть в моем сердце правду: я не таила на Сандра зла, не завидовала ему. Он относился ко мне, в отличие от своей матери, по-настоящему хорошо, и мы с удовольствием проводили время в одной из летних резиденций, куда сослал меня отец. Нет, конечно, поначалу было и пренебрежение, и задиранье носа. Нечто похожее на родственную симпатию возникло не сразу — и ее основой стало происшествие, когда я смогла поколотить кронпринца, когда он начал кичиться тем, что наследник, а я никто, хотя и родилась раньше него. Приемам самозащиты Мак обучал меня с десяти лет, как и стрельбе из арбалета и метанию ножей. Сандр просто не допускал мысли, что девчонка может оказаться более ловкой, чем он. Что поделывать, будущего короля Мизгира учили в первую очередь управлять страной, затем только защищать свою жизнь. Я же могла выбирать, что для меня важнее. И я выбрала свободу, Мака и то, что девочки обычно не умеют делать, но, разумеется, до профессиональных воинов мне было далеко.

— Могу поклясться именем пресветлой богини, что многое бы отдала, оставайся Сандр наследником и моим настоящим братом.

Тенебриш, глядя в глаза, мягко произнес:

— Я вам верю, Кьярин.

Когда он накрыл мою ладонь своей, прижимая ее к столешнице, у меня отказало самообладание. Я дернулась и, вскочив со стула, отступила назад. Сердце испуганно забилось. Я вспомнила, что не съела яблоко. Как же я забыла?! Заговорил мне зубы! Надо было заталкивать в рот вавилику и яблоко обеими руками!

Тенебриш вышел из-за стола. Улыбнулся так, будто видел все мои увертки. А может, и видел?..

Чародеев сложно убить обычным оружием, но во мне кровь Сержа Смелого, иномирца, который помог изгнать Эшкиля из нашего мира и скинуть власть темных чародеев. Как на его потомка, на меня не действуют иллюзии, я устою перед внушением...

Но не перед грубой силой.

Миг, когда оказалась опрокинута на походную кровать, толком и не уловила. Только что мы с чародеем стояли, глядя друг другу в глаза, как вдруг уже лежим, и его жесткие губы жадно целуют мою шею.

А как же целительский артефакт, который он обещал мне? Как же отсрочка? Соврал, чтобы усыпить мою бдительность?..

— Нет! Прекратите!

Не передать силу ужаса, когда руки мужчины, которого боишься, задирают твою одежду, по-хозяйски скользят по твоей коже.

— Нет, не надо...

Когда чувство оцепенения чуть спало, я потянулась за ножом. Догадливый Тенебриш перехватил мою руку, затем вторую, после чего завел их вверх, удерживая одной ладонью, словно кандалами. Худой, но такой сильный!

Свободной правой он нашарил на моем бедре оружие и глумливо произнес:

— Истинная красота опасна, да, Кьярин? У роз — шипы, у принцесс — стальные коготки. Это так возбуждает, прекрасная моя недотрога.

Внезапно он отпустил мои горевшие огнем запястья. Вскрикнув, я размахнулась... попыталась размахнуться — кисти будто прилипли к меховому одеялу. И я изогнулась всем телом, пытаюсь сбросить его.

— Не дергайся, Рина, иначе будет очень больно, — толкнув в плечо, предупредил мимоходом чародей. — Я не хочу тебя поцарапать.

Одним движением он разрезал верх туники вместе с нижней сорочкой до пояса.

При виде того, каким алчным взглядом он пожирал мою грудь, я взбеленилась до красных кругов перед глазами. Я — принцесса! Как смеет какое-то темное ничтожество так поступать со мной?!

— Ммм... — вместо гневного крика удалось издать лишь тихое мычание.

Он даже рот заткнул мне чарами! Мерзавец!

Тенебриш вклинился коленом меж моих бедер и, разведя их в стороны, удобно устроился. Придавив своим тяжелым телом, он принялся осыпать грубыми поцелуями мое лицо, шею...

О богиня! Неужели это по-настоящему? Не сон? И это все происходит со мной?

Милосердная Мать... На мне же осталось кольцо от насекомых... Для установления связи с родовыми артефактами правящего рода не надо находиться в сокровищнице королевского дворца, достаточно одного амулета, чтобы провести ритуал.

Меня захлестнул ужас. Все! Это конец! Мне, моим планам, моей стране конец...

Сейчас он поймет, что я его обманула, что все еще девственна. И он выполнит задуманное — станет истинным королем Мизгира, с правом управлять Сторожевыми Столбами!

Паникуя, я перестала, почти перестала чувствовать, что делали со мной нахальные руки. Только и могла, что мотать головой, уклоняясь от поцелуев, и глотать иногда попадающие на губы горько-соленые слезы.

— Нет, так дело не пойдет. — Тяжело дышащий Тенебриш вдруг остановился.

Он оставит меня в покое? В душе проклюнулся робкий росток надежды.

— Такое ощущение, что подо мной испуганная дева. Что, принцесса, не понравилась брачная ночь?

— Ммм...

— Ах да, голос... Извини, забыл.

Ко мне вновь вернулся дар речи.

— Н-нет, брачная ночь не понравилась... Из-за вас мы спешили, — почти честно ответила, умолчав, что так и не успели.

Я думала, что и ему неприятно, когда нет отклика. Что он отпустит меня. Наивная.

— Сама виновата. Надо было дождаться меня.

— Пожалуйста, отпустите... — Я не договорила — Тенебриш вновь отобрал голос.

— Рина, не бойся, я буду нежным с тобой, — внезапно пообещал он и ласково поцеловал в изгиб шеи.

Прикосновения его губ перестали напоминать алчные укусы. Они нежно скользили по моей коже, вызывая щекочущие ощущения.

Затем чародей переместился, встав с меня на колени. Я воспользовалась моментом и скрестила ноги.

— Думаешь, поможет? — насмешливо улыбнулся он.

Обхватив мое лицо ладонями, большими пальцами стер дорожки слез на щеках.

— Видела бы ты сейчас свои глаза, — яркие, как весенняя зелень, — прерывисто выдохнул он мне на ухо, а затем осторожно прикусил его мочку.

Тело предательски отреагировало дрожью предвкушения. Кончиком языка темный обвел ушную раковину и для симметрии повторил ласку с другой стороны.

Бегло поцеловав шею, Тенебриш коснулся того, что я позволила бы трогать лишь мужу — груди. Глядя ее, а затем, сжимая и целуя, он долго играл с чутко реагирующими на прикосновения холмиками плоти.

— Рина, моя Рина, — как в бреду повторил темный и потерся лицом о мой бюст, слегка царапая его щетиной на подбородке.

Чувствуя, как от безумно чувствительной груди по телу будто разлетаются молнии, я испугалась своей реакции и постаралась вернуть самообладание. Как можно возжелать того, кого ненавидишь?

Тенебриш сменил тактику, но все равно это было неправильным! Чудовищным! Изнасилование, даже мягкое, оставалось изнасилованием. Все, что делается против воли и желания женщины, насилие. Так учили в храме богини Матери... и теперь я понимаю, что это правда!

Всплывшие в голове беседы со жрицами напомнили, как нужно поступать, если попадаешь в подобную ситуацию. Если справиться с насильником не выходит, надо расслабиться, чтобы уменьшить количество повреждений, и отрешиться. Уйти... Нырнуть в светлые воспоминания... Или громко молиться Милосердной Матери. Порой обращение к богине, которая сурово карала тех, кто жаждал надругаться над женщинами, отпугивало насильника. Увы, меня лишили голоса, взывать к небесной покровительнице можно лишь мысленно...

Неожиданный укус в шею вновь вернул к отвратительной реальности.

Похоже, мои действия расценили превратно — чародей решил, что мне нравится, и снова лег сверху, без усилий раздвигая мои скрещенные ноги.

— Я буду самым нежным, — повторил он хрипло в очередной раз, — ты будешь стонать от удовольствия, я научу твое тело петь в моих руках.

При чем тут пение к тому испытанию, которому он меня подвергал? Едва не задала этот вопрос, но вспомнила, что чары отняли дар речи.

— На вид у тебя самые пьянящие губы в мире, Рина. Проверим, так ли это? — продолжал сыпать комплиментами чародей.

Его поцелуи стали настоящей пыткой. С силой прижавшись ртом к моим стиснутым губам, он напористо провел по ним языком. Я не поддавалась, и тогда он накрыл мой нос ладонью, не позволяя дышать...

Я приоткрыла рот, чтобы закричать, забыв, что временно нема. И наглый язык вторгся

на желанную территорию. Игриво касаясь моего языка, он словно приглашал на танец...

Но какой там танец, когда испытываешь гнев?

Непроизвольно перед глазами пронеслись лица всех парней, с которыми я целовалась, пока не была отправлена в Аркиол. Игры и пари, где ставка поцелуй — любимое занятие молодых придворных, и для принцессы принять участие в забавах подобного рода считалось незазорным. Вот только теперь я поняла, что юные кавалеры целовали нелюбимую дочь короля с робостью, а чародей — собственнически, будто имея на то полное право.

Как ни старался Тенебриш, стонать не хотелось. Хотелось врезать ему со всей дури, вот только руки все так же удерживали чары. И как ни стремилась я отрешиться, сделать это повторно не получалось — слишком яркими оказались ощущения. И не скажу, что они были неприятны... нет. Они будили спящее желание почувствовать себя любимой. Вот только это была иллюзия! Какие чувства, если все, что управляло чародеем, — это похоть? Томление, страх вперемешку со злостью на свое тело — мучительная реакция, которую вызывали его ласки. А еще я чувствовала его возбуждение — и это пугало больше всего.

— Рина... Ты готова для меня, Рина? — тяжело дыша, прошептал темный.

И, расстегнув несколько пуговиц на моих штанах, он просунул в них руку.

Не хочу, не хочу, не хочу! Только не так, богиня!..

— Децем, я вынужден тебя прервать — ты нужен своим людям. — Полный насмешки голос я узнала сразу.

И меня бросило в холод. А затем обдало жаром. И снова стало холодно.

Герцог Холгер... Он здесь и видит, что делает со мной чародей, и при этом ему весело? Негодяй!

Никогда не думала, что стыд может соседствовать с яростью. Но, оказалось, может.

— Надеюсь, это что-то важное, Кайрон, — раздраженно произнес темный, поднимаясь. — Если ты побеспокоил меня из-за какой-то дребедени, я тебя убью.

Несколько ударов сердца герцог молчал. Его взгляд неторопливо скользил по моему телу, чарами придавленному к кровати. Чародей любопытство проклятого не замечал — занят был своей одеждой, тогда как я лежала с обнаженной грудью. Шэйшев эгоист...

— Твои воины умирают, Децем, — наконец тихо произнес Холгер. — Это стоит твоего внимания?

Освободив принцессу и вернув ей голос, Тенебриш накинул плащ и вышел из шатра.

— Пострадали две десятки — твои наемники и королевские солдаты, — взволнованно говорил генерал, пока они шли по взбудораженному лагерю. — Похоже на отравление.

Тенебриш его почти не слушал. Сердце ускоренно билось. Вздрыбленная плоть топорщила под плащом штаны, вызывая дикий дискомфорт.

Как же он ее хотел... До боли в паху, до темноты перед глазами! В следующий раз, когда начнет играть с ее высочеством, обязательно поставит магическую завесу на вход, чтобы никто больше не мешал им.

И пусть подохнет хоть весь Мизгир.

— Итак, Рон, что случилось? — спросил он невпопад.

Проклятый криво улыбнулся и повторил доклад. Синие глаза при этом зло сверкали в свете магического огонька, летящего над ними.

— Чую, кого-то придется повесить на ближайшей осине, — мрачно заявил Тенебриш.

В его мыслях по-прежнему царил принцесса.

У ее страха был сладкий вкус, у тела — хмельной аромат. Да и сама недотрога — концентрированный пьянящий грех.

Кьярин, Рина... его Рина. Маленькая дурочка... Пугливая, наивная пока, светлая душой, верная своим людям, красивая до безумия. Приятная в общении, даже когда осмеливалась ему противостоять. Ей все еще невдомек, что она уже его.

Когда девушка сжималась и плакала, он несколько раз ловил себя на желании спрятать ее от всего мира. От матери и остальных. Даже от самого себя.

И он бы так и сделал, будь она девственницей. Не распрощайся она так глупо с невинностью, все было бы совсем по-другому. Красиво и нежно. А главное, после посещения храма.

Он бы всех уничтожил с превеликим удовольствием, если бы принцесса принесла ему власть над артефактами королей Мизгира, пускай этого и не было в его первоначальном замысле.

Глава 3

Проклятый

Разрезанную тунику и сорочку пришлось связать на груди, чтобы не спадали.

А вскоре, бегло оглядевшись в шатре, нашла свои сундуки с одеждой, собранной в дорогу. Они громоздились в восточном углу, а в противоположном стояли лари с вещами, без сомнения, принадлежавшие Тенебришу.

Успею переодеться? Или темный вскоре вернется? Поколебавшись пару мгновений, решила рискнуть, ходить в порванном — значит напоминать о том, что едва не произошло.

Ох, я в жизни никогда так быстро не переодевалась! И это при том, что руки у меня дрожали.

Повезло... Слава богине, она в очередной раз меня хранила. Сейчас моя честь — это будущее Мизгира. И я безумно рада, что темному не удалось ее заполучить.

Я успела немного успокоиться и переплести косу, как вернулся чародей. Недовольный, мрачный и решительный.

Когда он начал расстегивать плащ, у меня задергался глаз. Опять?!

— Кьярин, я верну исцеляющий амулет, и ты сейчас постарайся спасти людей.

Черный плащ полетел на землю. Тенебриш, подойдя к своим сундукам, невежливо повернулся ко мне спиной, и я с облегчением выдохнула. Нет, я его пока не интересовала, у него появились вопросы, требующие незамедлительного решения.

— Спасти? Что произошло? Стычка с нечистью? — предположила я самое вероятное.

В горах и лесах Мизгира легко нарваться на опасных тварей ночи.

— Нет, воины отравились, — процедил сквозь зубы темный, доставая из небольшого сундучка черный сверток.

— Ох, ужас какой! — покривила я душой, изображая участие. Наемников, ворвавшихся в мой город, жаль не было. — И как же это произошло? Чем они отравились?

— Я сейчас это выясняю, — угрюмо произнес Тенебриш и развернул ткань. В свете магических огоньков зловеще сверкнул изогнутый кинжал, напоминающий клык хищного животного.

— Ваше высочество, вы ведь умеете пользоваться артефактами рода? — прозвучало позади холодно.

Вздрогнув, обернулась к Холгеру. Если он так и будет появляться внезапно, я стану заикой. Впрочем, нет, лучше пускай подкрадывается. Удивительно, но и от проклятого на служение темному чародею герцога была польза: его своевременное появление спасло меня сегодня.

И все же ответила я недовольно, с толикой презрения:

— Разумеется, умею, я ведь старшая дочь.

Вообще-то очередность рождения никак не влияла на обучение управлению. Артефакты монархов Мизгира просты в использовании, вот только доступны они особам королевской крови и их супругам, которые получили эту возможность в момент консумации брака. Создатель артефактов, наш предок, обладал своеобразным чувством юмора: власть передавалась половым путем, как дурная болячка. При этом потомок-юноша мог вести разнузданный образ жизни, главное, чтобы жена была невинной. А вот девушка из рода Сержа Смелого должна хранить целомудрие, иначе ее супругу комплект артефактов и

возможность управлять Сторожевыми Столбами не передавались. Как по мне, крайне несправедливо и оскорбительно.

— Рина, подойди, — потребовал темный.

В руках он держал амулет исцеления — массивную цепочку с крупным изумрудом в оправе из завитков белого золота.

Мой самый любимый артефакт. Это как встреча с давним другом — на душе стало светлее.

Когда я потянулась за бесценной вещью моего рода, чародей покачал головой:

— Я сам.

Зайдя мне за спину, он аккуратно поправил выбившиеся из косы пряди и без спешки застегнул замочек. Теплое дыхание шевельнуло волосы на затылке, вызвав вереницу мурашек. Когда украшение было надето, я тотчас отскочила, и темный понимающе хмыкнул.

— Спаси их, Рина, — вмиг посерьезнел он, — я на тебя рассчитываю.

Мелькнула циничная мыслишка потребовать что-то в награду, но я ее быстро подавила. Не сейчас, когда нити чьей-то жизни вот-вот оборвутся.

— Я постараюсь.

— Выше высочество, готовы? Тогда прошу вас. — Герцог Холгер с подчеркнутой вежливостью откинул тяжелую ткань полога.

Стараясь идти быстро, но с достоинством, поспешила в черноту и холод ночи.

Если бы не магические огоньки, вылетевшие следом, я бы сломала себе ногу в первой же ямке — никто не пожелал жечь костры вблизи от шатра темного чародея.

— Вы так медленно идете, — с укором заметил герцог.

— Медленно, но верно. Или хотите, чтобы на меня тоже пришлось изводить силы амулета? — огрызнулась я сердито.

— Одна десятка наемников уже умерла, на очереди воины короны, но вам ведь все равно...

Я споткнулась, и мужчина подхватил меня под локоть.

— Как умерла?

— В страшных муках, — с готовностью ответил он.

По спине сыпануло морозом.

— Но из-за чего?!

Десять человек... Какая быстрая смерть.

— Вероятно, пищевое отравление. Травы для заварки проверили в котле — ядовитых нет, значит, это каша с мясом, а не отвар.

— Но как же это произошло? Как яд мог попасть в еду?

— А вот это сейчас выясняется, и вы нам очень поможете, если определите артефактом вид яда. — Помолчав, герцог отметил: — Вы замерзли, ваше высочество.

Не сразу почувствовала, что на плечи опустился его плащ. Мягко взяв под руку, Холгер повел меня дальше.

— Поспешим, ваше высочество, вдруг удастся спасти вторую десятку?

Еще утром я проклинала тех, кто напал на Аркиол. И вот уже есть десять трупов, и сию минуту солдаты продолжали умирать. Насмешка судьбы: пока Тенебриш искал виновных, я должна исцелить того, кого смогу, с помощью родового амулета. Сам чародей лечить не собирался — темные теряют много сил, творя противоестественные их природе чары. Получалось, что вынуждена помочь своим врагам, и нельзя сказать, что я сильно упиралась.

Я шла рядом с герцогом, зябко кутаясь в его плащ — меня трясло от мысли, что чужие смерти спасли мою честь и весь Мизгир.

Неразборчивых наемников чародея жалеть сложно, а вот legionерам, угодившим в ловушку клятвы, стоило посочувствовать. Они присягали генералу Холгеру как главнокомандующему армией, и этого не отменить, хотя он, находясь под чарами, и предал своего короля, проведя во дворец убийцу. Для Тенебриша удобно вышло: он заполучил едва ли не самого влиятельного человека в стране после монарха.

Магический кулон-изумруд приятно грел кожу на груди, возвращая уверенность в силах. И пускай мне его вернули на время, я наслаждалась скрытой от окружающих силой. Тот, кто не принадлежал к роду Сержа Смелого, даже не представлял, каковы возможности созданных иномирцами артефактов.

— Первые признаки отравления почувствовала десятка наемников, — вводил в курс дела Холгер, — затем солдаты, которые остановились на привал рядом. У них повар неопытный, и кашу доварил позже, чем соседский. И это их спасло.

Мне бы его уверенность, что спасло! Пускай они съели всего несколько ложек к тому моменту, как их соседям стало плохо, но яд часто убивает даже в меньших количествах, только муки длятся дольше. И пока еще сложно сказать, повезло или нет.

Впрочем, с моим артефактом шансы на спасение у них есть.

— Остальные отряды как?

— Остальные в порядке.

— Странно...

— Нет, ваше высочество, дело в том, что пакет с вяленным мясом и крупой обозный выдает один на две десятки.

— Хотите сказать, что отравка была только в одном пакете?

— Да, ведь никто больше не погиб.

Логично. Пришлось согласиться.

Проходя мимо затухающего костра, возле которого лежало десять трупов, накрытых плащами, почувствовала тошноту. Съеденное и выпитое за ужином попросилось наружу.

— Тенебриш запретил их хоронить, предупредил, что хочет знать, отчего они умерли. Поэтому, когда закончите с живыми, придется заняться также ими.

— Но зачем исследовать трупы, если есть живые пострадавшие от того же яда? Это же нелогично!

— Тенебриш считает иначе, — мрачно произнес герцог. — Придется исследовать мертвецов.

И до меня вдруг дошло. Придется исследовать мертвецов? Что-что? Кто сделает заключение? Я?

— Нет, ни за что! — Я содрогнулась.

Прикоснуться к умершим в страшных муках, даже подходить к ним близко... Нет, не хочу!

— Ваше высочество, вам придется их осмотреть, — с нажимом произнес Холгер.

Но странное дело, в его голосе я услышала просительные нотки.

С подозрением покосилась на мужчину. По широкой спине, затянутой в черную кожу куртки с металлическими пластинами, сложно определить, что он задумал.

Обо всем на свете забыла, когда увидела пострадавших. Все солдаты без исключения лежали, согнувшись. Кто-то стонал, а кто-то тихо ругался.

Я опустила на колени рядом с тем, кто вел себя тише, чем остальные, — обычно

именно таким пациентам хуже всего. Активировав артефакт кровью, опустила руку на бурно вздымающуюся грудь и мысленно попросила кулон установить причину недуга. Он ответил теплом и вспышкой зеленого света.

А затем шепот артефакта раздался у меня в голове:

— Горник приторный.

Полученный ответ меня удивил, но постаралась ничем не выдать свои эмоции. Покосившись на герцога, отметила, что он спокоен, слишком спокоен... Ладно, подумаю об этом позже.

Мысленно отдав четко сформулированную команду запустить процесс очищения организма, перешла к следующему мужчине, над которым повторила свои действия.

— Горник приторный, — повторил артефакт приятным женским голосом.

И так еще восемь раз.

— Что скажете, ваше высочество? — хрипло спросил сапфирный генерал.

Все это время он ходил за мной, словно насадка за повзрослевшими и жаждущими самостоятельности цыплятами. Ходил молчаливо, не задавая вопросов, но после десятого пациента его терпение, наконец, закончилось.

— Жить будут... должны, — исправилась я, хоть уже точно знала, что солдатам на самом деле ничто не угрожало. Выжили бы и без моей помощи.

Удивленная до крайности, но внешне, надеюсь, спокойная, я вернулась назад, к тому костру, вокруг которого лежала мертвая десятка.

Герцог наверняка недоумевал, почему я без напоминаний и уговоров отправилась диагностировать смерть наемников. Жаль, объяснить нельзя, что порой любопытство сильнее отвращения и страха.

Горник приторный — специфическая трава, вызывает озноб, тошноту, частую рвоту. Но она не убивает. Наоборот, ею активно пользуются светские дамы, чтобы быстро похудеть к бальному сезону. Правда, передозировка горником грозит еще одним симптомом, но я не видела, чтобы солдаты бегали в кусты... Значит, ложным ядом их опоили в меру, со знанием дела.

Присев на корточки возле крайнего тела, почти без боязни откинула плащ. Бескровное, искаженное предсмертной мукой лицо уже свидетельствовало, что смерть была страшной и точно не от прочищающей кишечник травки. Положив ладонь на грудную клетку трупа, я попросила артефакт установить причину смерти.

— Туманный гриб, — раздался шепот в голове.

— Итак, что их убило? — Прозвучавший за спиной вопрос заставил дернуться.

Полученные знания не успели толком усвоиться, как пришлось давать ответ чародею.

Развернувшись к нему, я покосилась на проклятого, ища поддержки.

Лицо Холгера было безмятежным — мне бы подобную выдержку, а еще знание, зачем все это было затеяно. Впрочем, причину предположить могу: плененный военачальник планировал хоть немного ослабить Тенебриша, уничтожив десятку наемников. А чтобы не вызвать подозрения, он сделал вид, что и другим, воинам короны, тоже плохо.

Герцог мстил исподтишка, устроив саботаж? При этом, отравив наемников, пощадил своих людей, подлив им в целом безобидной травки? Своеобразная партизанская война? Темные чародеи не видят ауру, не могут исцелять, разве что делаясь собственными силами. И поэтому Тенебриш ни о чем не догадается. Если, конечно, я не расскажу...

А я не расскажу, потому что сложившуюся ситуацию могу использовать и в свою пользу.

— Ваше темнейшество, это пищевое отравление, — осторожно подбирая слова, начала я. — Животное, чье вяленое мясо попало в котел, перед тем как его забили, съело туманный гриб.

— Тогда почему они живы? — недовольно спросил чародей, махнув рукой в сторону, где лежали мои пациенты.

— Еще сложно сказать, сколько они проживут без моей помощи — заклинание нужно обновлять минимум трижды. Для этого мне придется находиться рядом с ними всю ночь.

Я старалась говорить обеспокоенным тоном, боясь выдать свою заинтересованность. Если темный разрешит им помочь, я не вернусь к нему в шатер.

И у меня будет спокойная ночь без домогательств.

Тенебриш ненадолго задумался. Одарив меня раздраженным взглядом, произнес:

— Хорошо, я оставляю вам, принцесса, артефакт исцеления, помогите им.

Слава тебе, милосердная богиня! На эту ночь я спасена!

— Холгер, вели солдатам выбросить из обоза все мясо.

— Все? — удивился герцог. — Может, только то, что варили этим вечером? Говядину?

— Я сказал, выбросить все, — зло процедил сквозь зубы Тенебриш. — Потерпят без мяса до первого поселения, где закупим новое.

Чуть наклонив голову, спрятала за воротником чужого плаща понимающую улыбку. Чародей, разочарованный невозможностью заполучить меня, отрывался на других, срывая досаду.

— Как скажешь, Децем, — невозмутимо отозвался герцог.

Тенебриш ушел, и я испытала невероятное облегчение. Одна ночь отсрочки получена — это очередная маленькая передышка.

— Ваше высочество, пойдете, покажу, где вы можете прилечь.

Заботливость предателя поражала. Я думала, он будет меня презирать, как тогда, в шатре, когда увидел лежащую под темным. Впрочем, благородный эрд, насколько я слышала, вел себя учтиво даже со шляхами, коих было полдворца.

— Мне нужно вставать к отравленным каждые два-три часа, чтобы повторить процедуру очищения. — Я решила придерживаться легенды, буду играть в целительницу, хотя легионерам сейчас необходим лишь крепкий сон.

— Разумеется, ваше высочество, но вы должны поспать, чтобы завтра выдержать день в седле.

Сомневаюсь, что смогу уснуть на голой земле, зная, что неподалеку чародей, и мне нужно делать вид, что обеспокоена судьбой своих пациентов.

— Нет, я не могу, потому что...

— Я буду будить вас, — нетерпеливо перебил Холгер.

Решив больше не спорить, пошла за ним.

Ого! Ложе он мне устроил роскошное — возле костра на ворохе ароматной травы лежали волчьи шкуры. И все же я приготовилась к бессонной ночи. Но странное дело, после всех событий я уснула быстро, чтобы проснуться только на рассвете.

Бледно-розовый восход робко тянулся сквозь туман к замерзшей за ночь земле.

Закутавшись в серый мех, лежать было тепло и уютно. И я не спешила прогонять дрему и всего лишь высунула нос наружу.

Герцог меня не будил. А зря. Узнает Тенебриш, что я не занималась солдатами, но при этом они выжили, поймет, что его обманули. Поймет, что это Холгер отравил его наемников,

а я его прикрыла, умолчав о горнике приторном...

Что ж, оставалось молить богиню, чтобы она отвела глаза Тенебришу.

Я лежала, укрывшись меховым одеялом с головой, и следила за Холгером, что называется, вполглаза. Мужчина сидел неподвижно, поджав под себя ноги, и наблюдал за танцем огненных языков. Неподвижный как статуя и такой же неэмоциональный. Отсвет костра падал на лицо, позволяя лучше рассмотреть благородные черты аристократа и уродливый шрам, занявший всю левую щеку. Теперь я видела, что багровый рубец в отблесках огня казался свежим и напоминал букву Т. Букву? Неужели это магическое клеймо Тенебриша?

— Холгер, ты мне нужен.

Я обмерла. Как там говорят в народе? Помяни темного, и он зайвится в гости, принеся в подарок неприятности. Это точно про Тенебриша!

Слова прозвучали до дрожи близко — чародей стоял прямо надо мной. И я постаралась дышать ровно и глубоко, опасаясь выдать, что не сплю.

Герцог грациозно, как гибкий лесной кот, поднялся с земли. Без спешки приблизился и, остановившись у моих ног, спокойно спросил:

— Что случилось, Децем?

— С западного хребта сползает туман, не нравится мне он. — В голосе Тенебриша звучало раздражение. — Хочу проверить. Ты идешь со мной.

Брюнет без лишних слов разбудил кого-то из солдат, и тот заменил его у костра.

После ухода мужчин я досчитала до ста и только потом позволила себе с облегчением выдохнуть. Весьма неприятные ощущения возникают, когда лежишь на земле беспомощная, а над тобой стоит темный чародей и его магически связанный раб — оба ненавидят друг друга, злоба прямо-таки осязаема, и ты между ними, как сдерживающая стена.

Интересно, что не так с туманом? Хотя нет, гораздо интереснее, как долго не будет Тенебриша. У меня появилась чудесная, многообещающая, но при этом рискованная затея. Если попадусь, мне будет очень плохо. Ну а если повезет, быть может, уже сегодня я избавлюсь от своего врага.

Мысленно подбадривая себя, вылезла из-под меха.

— Доброе утро, — приветливо улыбнулась солдату.

— Д-доброе утро, ваше высочество! — Круглолицый здоровяк, веснушчатый и безусый, почти мальчишка, всполошенно вскочил на ноги.

— Я пройду, погуляю по стоянке, — сообщила для проформы часовому, глядевшему на меня во все глаза, как на чудо.

Впрочем, для него я им и была. Когда еще простой солдат мог находиться от принцессы на расстоянии в пять-шесть шагов?

— Ваше высочество, подождите немного, пока я разбужу товарища...

— Зачем? — перебила смущенного парня.

— Я буду сопровождать вас — приказ генерала.

Мне совсем не улыбалось привлекать лишнее внимание к тому, что собиралась сделать, поэтому надменно заявила:

— Никого не будите, оставайтесь здесь — я всего лишь иду за своими вещами в шатер его темнейшества.

Я решила на кражу.

Нет, не так...

Я шла не воровать, а забирать свое, ведь артефакты принадлежат мне по праву рождения. Если богиня поможет, я верну их себе, пока чародей занят странным туманом. И когда у меня появится оружие, он за все ответит! В этот раз я не промахнусь!

— Ваше высочество, генерал приказал не оставлять вас ни на минуту.

— А я приказываю оставаться здесь и не следить за мной! — заявила капризно.

Надеюсь, не переигрываю, истерики закатывать, чтобы добиться своего, я умела плохо. Нелюбимая дочь управлять отцом слезами не может, а смысл тогда какой в них? Чтобы изводить слуг? Но тогда жизнь станет хуже в разы — я это поняла с ранних лет и редко привередничала.

— Ваше высочество, за вами не следят, вас оберегают.

— Кто? — Я горько усмехнулась. — Тот, кто виноват в смерти короля?

Парень досадливо скривился, но все так же ровным тоном произнес:

— Ваше высочество, главнокомандующий, генерал Холгер, проклят темным чародеем, не его вина, что он вынужден исполнять его приказы и при этом не может умереть.

Мне нужно было спешить и скорее обрывать разговор, но услышанное вынудило задержаться. Если есть возможность получить или уточнить информацию, не стоит ею пренебрегать. Проклятие... Слухи ходят о нем, да только это больше похоже на сказки.

— Что за проклятие? И почему главнокомандующий не может умереть?

Лицо солдата прояснилось. Он обрадовался, решив, что я никуда не иду? Наи-и-ивный!

— Проклятие подчинения — вы же видели его знак, шрам на лице? Генерала может спасти только истинная любовь. Как только его искренне полюбит юная дева, проклятие падет.

Я чуть не фыркнула, слушая этот бред. Холгер — прославленный родовитый красавец, выше него в стране был только король и несколько советников, поэтому нет, не поверю, что нет девушки, которая уже сейчас не любила бы его всем сердцем и душой.

На герцоге чары подчинения, несомненно, есть. Проклятие, разумеется, тоже, но только то, что падает на отступников, перебежчиков на сторону Тьмы.

— А со смертью что не так? Проклятие поднимет его после гибели живым мертвецом? Вечным слугой Эшкиля?

Суеверный солдат, побледнев, сотворил отвращающий зло знак. И только потом, укоризненно глядя на меня, ответил:

— Нет. Я слышал, что чародей запретил ему умирать.

Если не сам слышал — это не значит, что оно так и есть.

Стараясь не думать о возмутительном требовании — как по мне, человек должен быть свободен в выборе дня, когда он встретится с Милосердной Матерью, — решила нагло настоять на своем:

— Что ж, сочувствую герцогу. Помолюсь о его судьбе богине, пока буду прогуливаться.

И поспешила прочь от костра.

— В-ваше высочество, — бляял позади парнишка.

Ему вторили смешки товарищей, которые, разумеется, давно проснулись, но не подавали вида и не спешили на помощь.

Что наш разговор внимательно слушают еще девять пар ушей, я знала. Ибо как это возможно — не пробудиться от шума? Даже если выставлен часовой, настоящие воины спят вполглаза. Это, кстати, слова самого Холгера. Давным-давно, на королевской охоте, подслушала его разговор с придворными дамами, которые игриво расспрашивали о буднях

легионеров. Ответ его слушали вполслуха — их интересовало, не одиноко ли сапфирному генералу в шатре во время учений в горах.

В долине, где мы остановились, стелился туман. Плотный, белесо-молочный, он тянулся с поросшего темным лесом склона, заползая в наш лагерь вкрадчивой змеей. Видимость ухудшалась быстро, вскоре нельзя было рассмотреть, что находилось на расстоянии десяти шагов. Возможно, именно туман и помог мне уйти без сопровождения? Главное, что я добралась до черного шатра без препятствий.

Сердце билось угодившей в силки птицей, когда я входила внутрь. Ужасно трусила, что Тенебриш уже вернулся, а я не заметила из-за мглы, но упустить возможность отыскать свои амулеты я не могла. Даже если боевых не найду, возьму парочку из тех, которые помогут сбежать, чародей не заметит. Амулет полной невидимости от поисковых чар не спасет, но если по следу будут идти обычные люди, я смогу от них уйти.

Оглядевшись в полумраке, обмерла: в темном углу стоял чародей! Я дернулась к выходу... и застыла, в последнюю секунду поняв, что это не Тенебриш, а его плащ, зависший в воздухе. Черное, расшитое серебряными тайными знаками одеяние парило над землей. Это, видать, чтобы не помялся? Забавный способ бороться со складками.

Успокоившись, внимательно осмотрелась — шатер действительно пуст. В восточном углу громоздились сундуки, собранные мной в дорогу, в противоположном — вещи Тенебриша. Именно к ним я и направилась.

Сразу на проверку напрашивались два больших сундука и три ларчика. Из маленьких смогла открыть только один, в нем хранились какие-то зелья — подписанные, но я не стала читать этикетки. Первый из больших оказался набит книгами с клеймом Аркиола на кожаных обложках. Вот мерзавец! Тенебриш обворовал библиотеку в моем замке! Ну ничего, я и за это поквитаюсь с ним.

Второй сундук хранил мужскую одежду темной расцветки, там я и понадеялась найти амулеты. А где еще можно прятать драгоценные предметы, как не в белье? Ладно, я устроила обыск, судя по всему, впустую, мои артефакты или у Тенебриша, или в одной из закрытых шкапулок... Но надежда умирает последней — я не прощу себе, если не проверю сундук.

Ох, видели бы меня сейчас подданные! Наследница Мизгира роется в чужих рубашках и штанах! Но на что только не пойдешь ради спасения, своего в первую очередь.

— Держитесь... еще немного...

Услышав голоса приближающихся людей, я в ужасе замерла.

Тенебриш! Уже возвращается! И не один!

Сбросив оцепенение, я быстро побросала вещи обратно на место. Куда бежать? Где спрятаться?

Не придумав ничего лучшего, я присела за сундуками. Высокие, почти мне до груди, за ними можно укрыться хотя бы на время.

Что будет, когда темный пройдет в этот угол шатра, старалась не думать.

— Осторожнее, ваше темнейшество.

— Зови меня Децем, дорогуша.

Я так удивилась, что немного наклонилась в сторону, выглядывая в щель между сундуками, чтобы собственными глазами увидеть чародея, обнимавшего коротко стриженную девицу.

— Да, досталось вам, — сочувственно произнесла она и тут же восхищенно добавила: — Но как лихо вы их огнем накрыли!

Не узнать рослую Куницу сложно, особенно когда она единственная женщина, кроме меня, на три сотни с лишком мужчин. Прачек, шлюх в обозе не было — все же не на полномасштабную войну шел чародей, а за невестой в мирный город. Высокая, жилистая наемница с неаккуратно обрезанными черными волосами считалась бы симпатичной, если бы не прилипшее к лицу угрюмое выражение.

Вчера наблюдала мерзкую картину, как молоденький солдат приблизился к ней, чтобы подарить бледно-голубой цветок. Под сдавленные смешки окружающих товарищей она его приняла, чтобы швырнуть парню в лицо и, приставив меч к его животу, покрыть отборной руганью.

У меня даже уши загорелись от стыда. Нет, я понимала, что женщине нелегко, приходится постоянно доказывать, что она достойна называться воином, но зачем вести себя так отвратительно? Неужели паренек не сообразил бы, что его ухаживаниям не рады, скажи она ему об этом прямо, не оскорбляя? Наверное, я чего-то не знаю или не смыслю...

Сейчас же Куница, грубиянка и мужичка, бережно поддерживала шатавшегося чародея. Прежде чем опуститься на постель, он попытался снять рубаху самостоятельно.

— Разрешите я, — угодливо предложила она. — Позвольте разрезать?

— Режь смелее!

Правая рука Тенебриша от кончиков пальцев до локтя оказалась опухшей, кроваво-красного цвета, будто он засунул ее в кипящее масло. Сплошной ожог... Откуда он у него?

Ой, а ведь чародея сейчас будут лечить! И ларчик с лекарствами тут! Точнее — я тут!

— Дорогуша, возьми из белого ларца горшочек из необожженной глины — там мазь, которая поможет мне быстро исцелиться.

Я постаралась слиться с землей, сжавшись в комочек. Если повезет, то наемница, озабоченная состоянием пациента, меня не заметит.

Так и вышло: раздались легкие шаги, затем скрип крышки ларца.

— Вот этот?

— Да, умница.

И все же откуда у чародея жуткая рана?

Я чуть не ахнула, когда вспомнила, что Тенебриш вместе с герцогом собирался смотреть на туман... Неужели это был не совсем туман? А одна из ночных тварей, которая подкрадывается к людям, окутав их клубами мглы? И если Тенебриш в таком плачевном состоянии, что с герцогом? Где он?

Невзирая на предательство Холгера, я не хочу, чтобы он погиб, особенно так глупо. Пускай он государственный преступник, но не заслужил страшной смерти от зубов нечисти.

— Да-а... — Женский стон выдернул меня из размышлений.

А?... Мне послышалось?..

Сладострастный стон повторился.

Выглянув в щель между сундуками, я опешила — чародей и наемница целовались!

Как это я так задумалась, что не заметила, к чему идет дело? Слишком резкий переход от лечения к распутству. Вот только что наемница смазывала рану темной мазью, а уже сейчас он жадно ее целовал. И девица, резко реагирующая на несмелое ухаживание солдата, с готовностью отвечала на ласки своего нанимателя.

— Еще... — стонала бесстыжая, пока чародей грубо мямл ее грудь.

Вот это да! Еще ночью приставал ко мне, а теперь к ней... Быстрый, гад!

Сидя за сундуками, через узкий проем между ними я невольно наблюдала за

внезапными постельными игрушками. Было противно. И в то же время любопытно. Что-то неправильное мне виделось в том, что раненый темный поспешил завалить наемницу, будто больше не испытывал боль.

Хотелось зажать уши, закрыть глаза, провалиться сквозь землю... И в то же время зрелище притягивало, удерживало, и я не могла от него оторваться. Наверное, несостоявшаяся консумация и попытка изнасилования лишили меня последнего стыда? А может, виновато проклятое любопытство? Или я была просто испорченной?..

А затем что-то поменялось. Гримаса, похожая больше на мучительную, чем от удовольствия, несколько раз исказила лицо наемницы, и теперь бисеринки пота усеивали ее лоб, словно она пробежала длинную дистанцию в тяжелом облачении и с оружием. Она даже дрожала — я четко видела это в свете магических светильников.

Странное соитие...

В какой-то момент наемница попыталась лечь на живот, но Тенебриш не позволил, одной рукой удержав за талию, а второй шлепнув ее по заднице.

— Стой! — приказал он грубо.

— Не могу больше, — прошептала она.

— Не шевелись, дура!

Оскорбительное слово, будто прыжок в ледяную реку, вмиг остудило мои горящие щеки.

Когда чародей шлепнул ее по ягодице, я сразу не сообразила, что ударил он правой рукой. Той, которую ранее покрывал волдырь ожога. Сейчас же рука темного была целой и невредимой!

И тут до меня дошло. Тенебриш не просто обладал наемницей. Он выкачивал из нее силы, как это умели в древности темные слуги Эшкиля. Те самые, против которых поднял народное восстание мой предок. Вряд ли Куница согласилась лечь под Тенебриша добровольно. Он зачаровал ее!

Тошнота подкралась подло — незаметно и не вовремя. Закрыв рот ладонью, впилась в нее изо всех сил зубами, чтобы не закричать. Я отчетливо представила, что могла быть на месте наемницы. И буду, если не сбегу!

Тем временем побелевшая женщина, потеряв сознание, рухнула. Но чародей ее не оставил...

Зажмурившись, принялась мысленно молиться Милосердной Матери — лишь бы не видеть и не слышать ничего.

— С-скотина! Ты же обещал! — Страшное рычание, раздавшееся у входа в шатер, заставило меня вздрогнуть.

Темный вихрь налетел на чародея, откинул его в сторону — и стих. Им оказался герцог Холгер. Упав на одно колено, он беззвучно корчился, из его носа и шрама текла кровь. Проклятие наказывало за то, что набросился на хозяина?

— С ума сошел, Кайрон? — Тенебриш медленно поднялся, настороженно глядя на герцога, как на бешеного волка.

— Я спас тебя, ты поклялся не трогать ее до Форка, — проскрипел тот, болезненно морщась.

Застегнув штаны, чародей неторопливо отряхнулся, приводя одежду в порядок.

— Я клялся не трогать принцессу, про наемницу речи не было.

Холгер бросил взгляд на тело, расprostертое на черном меху. Облегчение на его изуродованном шрамом лице сменилось растерянностью, а затем — грустью.

— Значит, это Куница?

— А ты знаешь других женщин в отряде? — обманчиво спокойно произнес темный. — Как мне ни нужна сила, а на мужиков я не кидаюсь. Или принцесса, или Куница. Правда, я мог бы еще прирезать парочку человек, чтобы восстановиться... Что, по-твоему, лучше?

Мужчины смотрели друг другу в глаза. Чародей сверху вниз, герцог — стоя на одном колене, но гордо подняв голову.

Холгер, прерывисто вздохнув, обреченно прошептал:

— Ты — чудовище, брат.

Я чуть не выдала себя, но вовремя зажала рот рукой.

Они — что... братья?! Или это оборот речи такой? Да нет, не могут они быть братьями! Родители герцога безумно любили друг друга! Как в древних легендах, когда один возлюбленный не может жить без другого. И это не пустые слова — отец Холгера умер через год после жены, не смирившись с утратой.

— Благодарю за это нашего папочку, — хохотнул чародей, невольно развеивая мои сомнения. — То, каким я стал, целиком его заслуга.

— Ну да, и старая ведьма, твоя мать, тут совсем ни при чем, — скептически заметил герцог.

— Папаша знал, с кем меня оставлял, — возразил чародей. — Взял бы к себе в замок, признал бы — и я вырос бы таким же добреньким, как ты.

Но вскоре ухмылка стерлась с его лица. Он попытался привести наемницу в чувство — не вышло.

— Она не дышит! — В его голосе послышалась растерянность.

Преодолевая боль, герцог поднялся и приблизился к кровати. Несколько тягостных минут он искал пульс на шее Куницы, слушал ее сердце и дыхание. Искал малейшие признаки жизни — и не нашел.

— Ты выпил ее досуха, Децем. — В гневном голосе Холгера прозвучало отвращение. — Шэйш тебя раздери! Ты ее убил!

— Нет, смотри лучше, — не поверил чародей.

Злой герцог покачал головой:

— Она мертва!

Тенебриш решил убедиться самому — с его руки слетела черная сверкающая игла и впиалась в тело наемницы. Оно не пошевелилось. Затем еще одна и еще... Ничего, никакой реакции. Будь женщина без сознания, она прореагировала бы на удары.

— Прекрати измываться над трупом, — глухо произнес Холгер.

— Это все твоя принцесса! — прошипел чародей сквозь зубы. — Если бы ее где-то не носило с исцеляющим амулетом, мне не пришлось бы связываться с наемницей!

Я сжалась от ужаса. Он хочет сказать, что это я виновата в смерти Куницы?

На миг я дала слабину, позволив себе испытать чужую вину, затем опомнилась. Нет, нет! Это не я очаровала наемницу, не я выпила ее жизнь, не сумев остановиться. И то, что меня не оказалось рядом с раненым чародеем, его не оправдывает.

— При чем тут Кьярин, если это ты не дождался помощи? — выразил мои мысли герцог. — Если бы это случилось в первый раз, Децем, я бы поверил в твое возмущение.

— Думаешь, легко остановить тварей, получить ранение и устоять перед соблазном унять боль? — прошипел темный. — А вообще, заткнись, Холгер, и помоги избавиться от тела!

Воин поморщился.

— Проблема — не тело. Твои наемники поинтересуются, куда делась их напарница, которая вызвалась провести тебя в шатер и осмотреть рану.

Помолчав немного, чародей снял с руки перстень и швырнул в брата:

— На, возвращаю амулет невидимости! Поведешь коня Куницы с вещами.

— Зачем?

Герцог все же надел артефакт и, активировав его, исчез.

— Иллюзии не умеют управлять лошадьми, — коротко бросил Тенебриш.

После чего простер руки над трупом и быстро зашептал заклинание. Спустя секунды от тела отделились багровые искорки, собрались в облако, которое вскоре обрело очертание женской фигуры. Еще несколько мгновений — и в шатре появилась еще одна Куница. Полностью одетая и живая! Что это иллюзия, я ни за что бы не догадалась. Силен чародей, ох, силен!

— Чего уставились? — грубо рявкнула женщина. — Чтобы я еще раз согласилась работать на чародея! Я требую разорвать договор!

— Да пожалуйста, — издевательски протянул Тенебриш, — разрывай.

В руке иллюзии возник увесистый мешочек с монетами, даже послышался характерный звон. С независимым видом «наемница» вышла из шатра, бормоча что-то угрожающее.

— Уведи ее коня подальше в лес, — приказал Тенебриш невидимому герцогу. — Волки доделают остальное.

— А как быть с ее товарищами?

— Об этом не беспокойся, я продолжу вести иллюзию, отвечу, если спросят.

И в подтверждение его слов с улицы донеслось немного визгливое:

— Куда прешь? Гляделки раскрой!

По-моему, чародей переигрывал — Куница была грубой бой-бабой, но не истеричкой.

— Холгер, иди за ней, — велел темный. — Я уберусь тут и пойду следом.

Порыв откуда-то взявшегося ветра шевельнул локон у моей щеки, такое ощущение, что меня успокаивающе погладили. Погладили невидимой рукой...

Я сжалась, с силой обхватив колени. Нет, мне показалось. Никто не знает, что я здесь спряталась.

Чародей, дождавшись, пока останется один, вновь простер руки над мертвой женщиной. Очертания ее тела поплыли, словно рисунок на песке, который смывает речная волна: накатила один раз, второй, третий — и нет его...

Я не могла оторвать взгляд от жуткого зрелища. Глядя, как за считанные секунды исчезает Куница, как ее тело медленно превращается в прах, который опадает на застеленную ковром землю, ощутила, как сама цепенею от холода. Вот так просто — был человек, и уже нет его. Даже безымянной могилы не осталось, возле которой путешествующий жрец мог бы помолиться Милосердной Матери о душе.

Уничтожив труп, Тенебриш покинул шатер.

Я же принялась считать до ста, сбиваясь и путаясь. Хотелось сорваться отсюда сразу, чтобы покинуть страшное место, где произошло циничное убийство, но приходилось терпеть — мне не улыбалось наткнуться на чародея.

— Девяносто девять... сто, — вырвалось нервное вслух.

Сдерживая порыв бежать как можно быстрее, прокралась к выходу. Прислушалась. Возле шатра никого. Мне было на руку, что даже наемники не пожелали зажигать костер

поблизости от места отдохновения темного. Золото они любили, чары — нет и потому, как и все здесь, побаивались Тенебриша.

Оказавшись на свежем воздухе, сделала несколько глубоких вдохов, успокаиваясь и пытаясь прогнать запах тлена, который забил нос, лишая обоняния. А еще мне чудилось, что вонь пропитала мою одежду и волосы.

Перед глазами одни картинки сменяли другие: вот рука чародея грубо сжимает грудь наемницы в тот момент, как его бедра ударяются об ее подтянутые ягодицы... она теряет сознание... он распыляет ее труп...

И звуки. Звуки! В ушах все еще раздавались его стоны наслаждения и ее предсмертные хрипы... Как я буду жить с этим? Как искоренить из памяти очередной ужас, поселившийся во мне по вине Тенебриша?

Очередной?

Так, надо успокоиться. Можно подумать, увидела нечто сверхужасное. Что может быть кошмарнее, чем убийство отца? Гибель Куницы — очередная смерть от рук — кхм, не совсем рук в этот раз — чародея. Он — темный. Он разрушает и уничтожает, это его сущность. Нельзя ждать, что он будет создавать цветочки и вызывать дождь благодарным поселянам. Он — темный, пора воспринимать его так. Темный, бездушный монстр, чудовище в человеческом облике.

Так рассуждая, мысленно разговаривая сама с собой, я понемногу успокоилась.

К костру, возле которого «лечила» десятку от горника, вышла немного с другой стороны — для этого пришлось действительно прогуляться по лагерю.

Проходя среди солдат, занимавшихся подготовкой к переходу через долину, ловила любопытные и сочувственные взгляды. Вражды не чувствовала, как и не опасалась, что меня кто-то может обидеть — для простых жителей Мизгира члены королевского дома были не просто особами благородного происхождения, а потомками великого героя. Меня защищала кровь Сержа Смелого. Защищала почти ото всех...

Испокон веков повелось, что пришедшие на Тарру маги привносили что-то новое и важное или же совершали великие подвиги. Предок отличился: он помог будущим святым покровителям Кронии изгнать из нашего мира Эшкиля и создал страну, свободную от темной магии. Серые Сторожевые Столбы, расставленные в Мизгире по схеме паутины, уберегли богатый на алмазные и корундовые месторождения край от темных чародеев, которые не признавали накопителей из других драгоценных камней. Сейчас мизгирские бриллианты, рубины, топазы и сапфиры высоко ценились во всем мире.

— В-ваше высочество! — Меня догнал бледный парень, тот самый, который пытался за мной увязаться. — Вас искали.

— Кто? — Я постаралась изобразить равнодушие.

— Тут такое произошло...

Другие солдаты из «спасенной» мной десятки занимались сбором вещей и как-то странно косились на меня. Я даже заволновалась: вдруг измазалась или что-то не так с одеждой, что она теперь выдает, где я была?

— Видели, какой в долину спускался туман? — произнес солдат, краснея. — Нас окружали сумрачные.

Я вздрогнула.

В горах туман сам по себе опасен — он скрывает ямы и обрывы, поэтому легко сломать себе что-нибудь или вообще сгинуть в пропасти. Но сумрачные — гарантированная смерть,

если, разумеется, у путешественников нет артефактов высшей аристократии.

Приходя вместе с туманом, ночные твари окружают людей поодиночке, брызгают обжигающим ядом с желез на передних лапах. И пользуясь тем, что человек от боли не может сосредоточиться и дать отпор, убивают. После чего переходят к следующему. Все происходит настолько быстро, что сориентироваться и как-то объединиться редко какой жертве удается. Поэтому в большинстве случаев после встречи с молниеноснодвигающейся нечистью никто не выживает.

— Но генерал с чародеем их остановили. — И с благоговением добавил: — Наш герцог — рейкс.

Не увидев на моем лице восхищения, юноша принялся объяснять:

— Рейксы — это лучшие воины королевства, которым выпала честь учиться при храме Рейкса Неистового...

— Я знаю, кто такие рейксы, — перебила я его.

Служители бога войны учили убивать темных чародеев-отступников и порождения мрака всех видов. Вот только принимали они не всех желающих, а тех, у кого была предрасположенность противостоять чарам иллюзии. Только таких темные не могли заморочить. Мой предок принадлежал к такому типу воинов.

— Простите, ваше высочество, я не подумал, — немного стушевался парень.

— Все в порядке, — успокоила и оценивающе пробежалась по нему быстрым взглядом.

Легионер, хоть и был рядовым, умел себя вести, даже смело обратился к принцессе. Значит, не так он прост. Вероятно, младший сын аристократического рода, настолько обнищавшего, что не сумел отправить его в военную академию, и юноша вынужден начинать карьеру с простого солдата. Три года верной службы — и его примут без экзаменов и учебу будет оплачивать государство. Длинный, но достойный путь.

— Ваше высочество, позвольте поблагодарить вас за спасение жизни.

Удивившись, я резко обернулась.

Солдаты десятки, которую полночи выворачивало наизнанку из-за горника приторного, слаженно опустились на одно колено и склонили головы — матерые и парочка еще безусых. Ветераны, неоднократно дававшие магическую клятву верности, и новички.

— От всей души примите нашу благодарность, ваше высочество, — с чувством произнес десятник, широкоплечий блондин с выбритыми висками и волчьими клыками на шнурке вокруг левого запястья.

Я почувствовала, как резко кровь приливает к щекам. Надеюсь, голос не вздрогнет, когда заговорю:

— Пусть Милосердная Мать хранит вас...

— Ларк, ваше высочество, — представился блондин.

— Пусть богиня хранит от зла вас, Ларк, и ваших воинов, — ответила традиционно и, приблизившись к десятнику, протянула ему руку.

Он деликатно поцеловал ее и не поднялся, пока я не подошла к каждому из его десятка.

Обычай целовать руки врачевателю древний, но я и представить не могла, что стану когда-нибудь его участницей. И тем более что меня будут благодарить, когда я этого не заслужила.

Принимать несправедливо признательность было не по себе. И это мягко сказано. Я не имела на нее права, ведь не спасала жизни, а всего лишь убрала часть симптомов пищевого отравления средней тяжести. И потому я чувствовала себя обманщицей.

А еще лгуном оказался Холгер — ночью я решила, что он предупредил связанных с собой клятвой верности людей об обмане. Выходит, что они не добровольно выпили горник? Его им подбросил Холгер? Или у него был сообщник? Этот Ларк, к примеру? Впрочем, не стоит забывать, что так герцог уберег своих воинов от гнева Тенебриша. Они не соучастники, а потерпевшие, и значит, если все откроется, не пострадают от рук темного.

Остатки тумана истаяли под лучами восходящего солнца, и мы двинулись в дальнейший путь.

— Яргал и Хваткий идут за ее высочеством сменными тенями.

— Хорошо, не спускайте с нее глаз — она любит попадать в истории. — Генерал задумчиво крутил отломанную веточку.

Взгляд его синих глаз устремлен на горизонт — горный склон, поросший хвойными деревьями, дубками и молодыми елками, изредка разбавленными синими махинами старых елей.

Блондин тепло улыбнулся:

— Ее высочество — удивительная девушка, добрая и красивая.

Генерал удивленно вскинул брови и внимательно посмотрел на сотника, сейчас также исполняющего обязанности командира ложно отравленной десятки.

— Вот поэтому за ней нужен глаз да глаз. Объявится рядом с ней чародей — сразу сообщаете мне. Отвечаешь головой, Ларк.

— Есть, мой генерал! — Мозолистая ладонь легла на грудь, прямо над сердцем. Браслет из клыков глухо звякнул.

Ларк, один из лучших мечников сотни Золотых Ос Сапфирного легиона, по молодости одолел волка голыми руками. Теперь его правый кулак, вошедший в пасть хищника, и запястье сплошь в белых шрамах. Клыки того самого животного пошли на браслет, который Ларк считал своим амулетом удачи. Он любил повторять, что, когда случаются неприятности, им сразу нужно давать в пасть, выбивая зубы.

Когда десятник ушел, Холгер пробормотал:

— Добрая и красивая... Дура!

И со злостью ударил по дереву.

Глава 4

Охота по-чародейски

Еще когда запрыгивала на лошадь, в животе все сжалось от голодного спазма — из-за треволнений ночи меня никто не покормил. Вчера это делал Тенебриш, а сейчас он был слишком занят сокрытием преступления, чтобы заботиться о пленнице. Да и сейчас он ехал впереди нашего маленького войска, не пожелав даже доброго утра.

Впрочем, я должна радоваться хотя бы тому, что к седлу приторочена фляга с водой — жажду терпеть сложнее, чем голод.

— Ваше высочество, подождите!

Я придержала Дымку и оглянулась.

Ко мне спешил Холгер на огромном чубаром жеребце, короткую гриву которого задорно трепал ветер.

— Доброе утро, ваше высочество!

— Доброе, ваша светлость.

В том, что оно такое, сильно сомневалась после пережитого ночью. Сначала ужин с чародеем, закончившийся домогательствами, затем помощь «отравленным». Но страшнее оказалось утро. Образ замороженной, фактически изнасилованной и убитой наемницы вновь предстал перед глазами. Нет! Нельзя думать о ней!

— Позвольте предложить вам разделить со мной скромный завтрак, ваше высочество.

Единокровный брат чародея протягивал мне один из двух источающих дивный аромат копченого окорока холстяных мешочков.

В другой раз я бы показательно отказалась: мол, есть вот так, по-простецки, да еще верхом на лошади недостойно принцессы. Но голод мешал свободно думать, и силы мне понадобятся, чтобы отстоять себя и свою страну.

И потому я согласилась:

— Благодарю вас, герцог, с удовольствием присоединюсь к вашей трапезе.

Большая краюха пшеничного каравая накрыта шматом пряного мяса (это так он исполнил приказ выкинуть все мясо из обоза?) и толстым пластом сыра — видно, что импровизированный завтрак готовил мужчина. На дне мешочка оказались еще три бледно-желтых яблока с красными боками. Им я по-настоящему обрадовалась. Обожаю кисло-сладкие твердые яблоки больше других видов!

Забота Холгера тронула, но я быстро отбросила ненужные чувства. Он — предатель и, как выяснилось, брат Тенебриша. Кто знает, что будет дальше? И насколько серьезна между ними размолвка? Ведь недаром герцог спас чародея от нечисти, когда мог отвернуться. Или все дело в проклятии? Может, оно настолько хитрое, что Холгер, как цепной пес, не только нападает на его врагов, но и оберегает хозяина?

Хотя последнее вряд ли, иначе не потребовал бы он от чародея не прикасаться ко мне до приезда в столицу. И тут важный вопрос: зачем Холгеру это? Что ему меня жаль, верится плохо, но и это объяснение откидывать не стоит — так уж вышло, что Кайрону доводилось спасать меня и раньше. А когда кому-то даришь жизнь, в некотором роде начинаешь нести за него ответственность. Еще был вариант, что предателя мучила совесть — с его помощью убили короля, моего отца.

Но почему он потребовал от Тенебриша не трогать меня только до прибытия в Форк?

Потому что на более долгий срок чародей вряд ли согласился бы? А так у меня хотя бы есть время привыкнуть к своему «жениху». Или же герцог планировал уничтожить брата? Отравление десятки наемников показало истинное отношение. Знать бы, в чем суть проклятия! Если только в истинной любви, то я лично найду для него влюбленную дуру для его снятия.

Но опять-таки не стоит забывать, что Тенебриша и Кайрона объединяет общий отец. Кровь не вода, родство не перечеркнуть по мановению пальца.

От подобных размышлений даже пропал аппетит.

Милосердная Мать... Я все еще поверить не могу, что Кайрон — брат темного! Как и в то, что он проклят и служит ему!

Герои не подчиняются злодеям. Герои не подставляются. Герои не попадают в подлые ловушки...

Шэйш! Кайрон Холгер столько лет был моим героем. И я все еще не могу забыть, что он для меня сделал.

В первый раз он спас меня от смерти, когда ему только дали звание сотника Сапфирного легиона. На тот момент ему исполнился двадцать один год — впечатляющая карьера для аристократа, отец которого был против, чтобы он становился военным.

Я же была десятилетней козявочкой, которая решила, что достаточно взрослая и опытная наездница, чтобы отправиться в лес в одиночестве. За что и поплатилась — лошадь испугалась обыкновенного зайца, выскочившего из кустов ей наперерез. Я вылетела из седла и, больно ударившись о землю, потеряла сознание. Когда же очнулась, подарок отца на день рождения ускакал далеко в чащу.

Очутиться в темном лесу неизвестно где страшно и взрослому, что говорить о маленькой девочке!

Я долго рыдала, затем молила богиню пощадить и вернуть мне лошадь, которая знала дорогу к конюшне с вкусным сеном и овсом. Когда и это не помогло, собралась с духом и пошла в сторону дворца. Уж лучше бы я продолжала реветь на одном месте...

Как позже выяснилось, направление выбрала верное, но чуть отклонилась и, взобравшись на крутой, поросший колючим кустарником холм, упала. Провалилась напрямик в берлогу медведя. Не знаю, чей голос звучал громче — мой визг или рев растревоженного зверя?

Я уже ясно видела свою смерть от кинжально-острых когтей, как меня заслонила широкоплечая фигура неожиданного защитника.

Холгер спрыгнул за мной в яму вовремя — еще несколько мгновений, и от будущей наследницы Мизгира осталась бы только память. Медведь — всеядное животное, непредсказуемое в своей ярости.

Родовой меч Скайлир против шестисоткилограммовой ярости... Кайрон мог тогда погибнуть, это потом уже он провел несколько лет в храме бога войны и научился убивать голыми руками превосходящего по силе противника за считанные секунды. Мог умереть от когтей животного, но все же бросился меня спасать, а затем доставил во дворец.

И всю дорогу он терпеливо утешал, а еще вдалбливал в мою, как он выразился, симпатичную, но буйную головку, что я глупенькая девочка, которая не умеет постоять за себя и потому должна заниматься вышиванием, а не искать приключений. Все еще испуганная, я поначалу соглашалась, но отсутствие матери, холодность отца сделали меня другой, отнюдь не послушной девочкой, а бунтаркой и упрямецей. И когда Холгер закончил

воспитательную проповедь, заявила, что буду поступать так, как посчитаю нужным. Захочу погулять в одиночестве в лесу, значит, поеду. Пожелаю отправиться на кладбище в полночь — не стану отказывать себе и в этом.

[Купить полную версию книги](#)